ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 26 (193) 11 июня 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 страница
ПЕРЕДОВАЯ.—За перестройку художественных организаций.
Советские писатели присоединяются к требованию миллионов.
Мобилизуем средства!
2 страница
Л. Никулин.—„Синсеронетр". Отрывок из романа.
Непочатый родник талантов—статья Н. Каганеровой, П. Воронина, М. Сагидулина
И снова счета не оплачены—обзор журнала „Резец".
3 страница
К. Анисимов.—Гуманисты на службе у империализма.
Среди книг—отзывы о книгах Мих. Карпова, сб. „Новая Кузница".
Дискуссия о Гамлете.
4 страница
В. Ольгин.—Спектакль острого политического звучания.
На 2-ом пленуме ЦК Рабис.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Н. Асеева, А. Грудской, С. Динамова, В. Залесского, О. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Рассоахского, А. Селиванковского, Н. Сельвинского, М. Слонимского, М. Субботина, С. Тарасевича и Г. Тарлана.

Взаймы государству

Советские писатели присоединяются к требованию миллионов

2 июня в «Правде» было опубликовано письмо рабочих, специалистов и служащих московского автомобильного завода им. Сталина, предложивших выпустить новый заем «Четвертого, завершающего года пятилетки». Сталинцы писали о том, что в дни, когда страна готовится ко второй пятилетке—пятилетке построения социалистического общества и окончательной ликвидации классов, в дни, когда в результате осуществления ленинской линии коммунистическая партия, во главе с Центральным комитетом и вождем рабочего класса т. Сталиным ведет страну к новым решающим победам, нужно мобилизовать все силы и средства для успешного выполнения программы великих работ. Гиганты индустрии, вступающие в строй, лучшая гарантия мира, лучший ответ интервенционистским провокаторам капиталистов.

— Мы не можем останавливаться на полпути,—писали сталинцы.—Четвертый год пятилетки в разгаре. Дадим советскому правительству новые миллионы, чтобы в этом году закончить первую пятилетку.

Пролетарии московского автозавода им. Сталина решили просить советское правительство ускорить выпуск нового займа—займа «Четвертого, завершающего года пятилетки».

Одновременно правительство получило такие же предложения о выпуске нового займа от 50.000 рабочих Кузнецкстроя, от рабочих «Трехгорки», Харьковского тракторного завода им. Орджоникидзе, от колхозников Приволжья, рабочих Малаховского комбината, Шебекинской МТС и др.

Призыв этих передовиков был подхвачен десятками тысяч пролетариев и колхозников советской страны.

«Американский доллар денег нам не дает, поэтому мы сами, своими средствами должны помочь своему государству строить социализм, крепить экономическую независимость и обороноспособность Советского союза»,—пишет в «Правду» рабочая рабкоровской комсомольской бригады ленинградского завода им. Кирова, перекликаясь с иностранными рабочими Электрозавода, заявившими: «Мы тоже будем защищать СССР!».

Требование выпуска займа единодушно поддержали работяги всех ленинградских заводов, Днепрогэса, Лысьвы, железнодорожники, сибиряки, северокавказские колхозники, Всесоюзная академия наук, жены рабочих Красной Пресни, научные работники...

Наркомфин т. Гринько посетила делегация от 100.000 рабочих Замоскворечья, устами рабочего завода им. Калинина т. Новикова заявившая:

— «Мы просим передать правительству предложение замоскворецких рабочих о скорейшем выпуске нового займа «Четвертого, завершающего года пятилетки». У нас есть постановления цехов и отдельных рабочих собраний о выпуске нового займа. Мы заверяем правительство, что новый заем встретит горячую поддержку со стороны рабочих».

Рабочие, колхозники, специалисты, ученые и работники культурного фронта советской страны все готовы принять участие в этой мощной демонстрации социалистической сознательности.

«Помогать себе можем только сами» заявляет академик **Келлер**.

Не просто выразил это стремление трудящихся **М. Горький**, в «ответе корреспонденту». Он пишет:

«Вот, напр., сейчас по воле рабочих объявляется «Четвертый заем»,—что это значит? Несомненно, что многие тысячи рабочих откажутся от удовлетворения маленьких бытовых необходимостей, а для чего они сделают это? Заем организуется для того, чтобы скорее осуществить ту огромную и великую необходимость, которая висела и окончательно удовлетворит все маленькие, назойливые необходимости нашего быта. Это я и называю переложить червонец из правого кармана в левый».

Сегодня мы публикуем обращение группы писателей и известные высказывания, показывающие, что советские писатели идут в ногу с остальными трудящимися.

Писатели приветствуют выпуск нового займа. Они обещают его реализацию. Они выполнят свое обещание.

Мобилизуем средства

1932 год является годом завершения первой пятилетки. Днепрострой, Уралокузнецкий комбинат и ряд других гигантов социалистического строительства — крупнейшая победа рабочего класса в борьбе за новую мощную техническую базу народного хозяйства.

Страна подходит к новому историческому рубежу — ко второй пятилетке. Для осуществления этой пятилетки необходимы средства, которые даст применение широчайших трудящихся масс к реализации нового займа.

На угрозы военной интервенции, попытку сорвать небывалый рост строительства социализма в нашей стране ответим еще большим сплочением вокруг коммунистической партии и ее ленинского ЦК и мобилизацией всех средств на дело построения социализма.

Мы, советские писатели, обращаемся к правительству с призывом немедленно выпустить новый заем 1932 года, четвертого, завершающего года пятилетки и по всем трудящимся — обеспечить выполнение плана развернутого социалистического наступления.

Ю. ОЛЕША, Л. СЕЙФУЛЛИНА, Э. БАГРИЦКИЙ, С. МОТИСЛАВСКИЙ, А. ДОРОГОЙЧЕНКО, З. МАДАРАС, И. ЕВЛОКИМОВ, Л. СЛАВИН, ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ, ОС. КОЛЫЧЕВ, ПЕРЕЦ МАРКИШ, А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, П. ДОРОХОВ, С. ШТРАЙХ.

Москва, 8 июня 1932 г.

Ф. Гладков

За полную экономическую независимость

Майские торжества на Днепрострое, где я присутствовал при пуске первого турбогенератора, как некий участник и свидетель всей героической истории созидания стройки с первых ударов лопаты до включения первого промышленного тока, майский праздник рабочих, строителей этого гиганта, прошел под знаком проверки всех своих необычайных достижений и сплочения сил для новых боев за окончательное завершение в этом году всех главных главных заданий: пустить еще четыре агрегата, закончить постройку алюминиевого комбината, подготовить к работе домны, коксокомбинат и завод высококачественной стали. «Мы во что бы то ни стало должны добиться импортной независимости,—решительно заявляли рабочие и инженеры.—Мы добились уже того, что своими силами изготовляем многие важные дорогостоящие механизмы. Наша задача теперь освободиться от импорта алюминия и качественной стали. И эту важнейшую нашу проблему мы обязаны разрешить к сроку».

И они одни из первых в тот же день обратились к союзному правительству с призывом выпустить новый заем. «Заем четвертого, завершающего года пятилетки» для того чтобы окончательно освободиться от импорта машин и металла.

На заводе «Электропровод» идет кампания за импортную независимость в кабельном и электротехническом производстве. Там уговор и на деле рабочие обязаются своими силами из своих материалов изготовлять всю необходимую арматуру для изготовления кабелей, которую до последнего времени получали из-за границы. Экономия колоссальная. Пролетарии этого завода—застрельщики рационализаторских мероприятий и изобретений, и каждое их достижение—сильный большой шаг к освобождению от заграничного импорта. Они первые шли в практику заем рабочих предложений, который распространен на всех предприятиях Союза. И они же являются одними из первых застрельщиков в требовании выпуска «Займа четвертого, завершающего года пятилетки».

И мы, советские писатели, как проводники воли трудовых масс через печатное слово, должны немедленно мобилизовать себя на проведение кампании за выпуск этого нового займа.

Заем «Четвертого, завершающего года пятилетки» должен быть выпущен и в короткое время реализован. Мы должны добиться полной импортной независимости. Мы должны тем самым усилить темпы по построению бесклассового общества и утверждению социалистической культуры.

Заем необходим! Ускорим его реализацию!

Со всех сторон, с фабрик и заводов, с колхозных полей, из научных учреждений слышны голоса ударников социалистической стройки.

Они требуют от правительства выпуска нового займа четвертого, завершающего года пятилетки и начала второй пятилетки.

Советские писатели не остаются в стороне от почина передовых рабочих. Они поддержат этот почин.

Но важно это сделать немедля. Надо реализовать заем в кратчайшие сроки и полностью.

Подписываюсь на 1000 рублей с обязательством выплатить в 4 месяца.

Вызываю тт. М. Горького, И. Гронского, В. Кирпотина, Л. Леонова, А. Малышкина, Ф. Березовского, И. Жигу, А. Безыменского, П. Тихонова, М. Слонимского, Ф. Панферова, Билль-Белоцерковского, А. Серафимовича, Л. Сейфуллину, В. Ильенкова, А. Пбаха, А. Фадеева, Б. Кирпова, В. Бахметьева, Ф. Гладкова, П. Павленко, И. Замойского, Б. Горбатова, М. Платонкина, И. Сталь кого.

В. Ставский

На язык стройки

Беседуя на заводах о займе 4-го, завершающего года пятилетки, слышишь высказывания разные:

— Нет денег! Самому нехватает, — сомневается сырой и темпам сезонник.

А комсомолец Грачев из вагонно-сборочного завода им. 1905 г., год назад бывший таким же сезонником, говорит уже иначе:

— Надо займом поддержать советскую власть, чтобы буржуазия на нас не лезла.

А помдмастера Сергеев с того же завода лечит:

— Облигация — это документ на право строительства социализма».

Так судят люди, расчет их отношение к займу.

Слесарь завода № 1 Булатов, рассказывая, на сколько он подписывается, добавил:

— У меня уже на 600 рублей займов на руках.

— 600 рублей — это четверть фарда. Передовик социалистической стройки переводит цифры обязаний на язык социалистического приобретения.

Ударник займа не только тот, кто дал много.

Ударник займа тот, кто знает, сколько в его рублях рождается — фрезерных машин, тракторов, турбобуров, винтовок, автомобилей, прессов.

Знает — и горится этим своим участием в пятилетке.

Перевести цифры займа на язык стройки — дело огромной важности.

И советскому писателю надлежит быть не только в первых рядах подписчиков на заем, но и в первых рядах «подписчиков-агитаторов».

За перестройку художественных организаций

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля «О перестройке литературно-художественных организаций» имеет историческое значение для всего фронта искусства.

Ведущая пролетарская организация—РАПП оказывала сильнейшее влияние на все массовые художественные организации, стремясь и непосредственно оказывать это воздействие (выпуск театрального документа РАПП, создание киносекции при МАПП). Пролетарские художественные организации слепо копировали и неправильные методы работы РАПП, слепо заимствовали и то, с чем следовало бороться, слепо следовали тому «опыту», который мешал действительной перестройке, который тормозил развитие искусства.

РАПМ, по гордому заявлению его руководства, «возглавляет борьбу пролетариата на музыкальном фронте» (журнал «За пролетарскую музыку», № 10, 1930 г.). Но свои задачи рапмовцы в области работы с советскими композиторами поняли совершенно неправильно. Рапмовцы просто-напросто ликвидировали те организации, в которых могла бы итти переработка попутчиков.

Не давая теоретического анализа творчества попутчиков, руководство РАПМ заменяло этот необходимый анализ якобы «политической» трескотней и обвинением в классовой враждебности, контрреволюционности и т. д. Так было, например, с Московским. Не раз заявляя о том, что воспитательную работу не следует подменять голым администрированием, руководство РАПМ на деле извратило линию партии по отношению к специалистам.

Руководство РАПМ без всяких к тому оснований кичливости заявило в 1931 г., что «Ассоциация пролетарских музыкантов разработала основные марксистско-ленинские взгляды в применении к музыке, вырабатывала идеологическую платформу пролетарского музыкального движения, дала четкую установку по важнейшим вопросам классовой борьбы на музыкальном фронте, в частности по вопросам развертывания массового музыкального движения». Это самовосхваление не имеет под собой никаких оснований.

Таково было положение в РАПМ. Гораздо более молодая организация РАПХ существующая лишь около года, также не справилась со своими задачами, не проводила необходимой работы с советскими художниками, не сумела поставить работу ФОСХ, фактически не существующей, занималась очень много всякого рода организационными делами, отбрасывая серьезное обсуждение творческих вопросов. Это особенно ярко показывает вся линия журнала «За пролетарское искусство», где было очень много всякого рода деклараций и громких передовых статей, но где не было главного—правильного и серьезного освещения творческой практики советских художников.

Всероссийское об'единение пролетарских архитекторов (ВОПРА) работало изолированно от основной массы советских архитекторов, совершенно механически отбрасывая целые отряды советской архитектуры в буржуазный лагерь (как это было с АСНОВА, причисленной полностью к формалистам), не использовало наследства прошлого, не сумело освоить и опыта советской архитектуры, имеющей крупнейших мировых мастеров. Попутно нужно сказать несколько слов о ВАНО и МОВАНО. ВАНО и МОВАНО превратились в «хозрасчетные» организацию, не воспитывали советских архитекторов, администрирование особенно мешало ВАНО и МОВАНО стать школой творческого воспитания советских архитекторов.

Вся губительность усвоения того отрицательного, что было в РАПП, очень ярко выступает в АРРК. Формально это была попутническо-союзническая организация. Но только формально, а не по существу. Творческие работники были в составе АРРК. Но им там почти нечего было делать, потому что АРРК была оторвана от производства, в ней за последние годы почти прекратились живые творческие дискуссии, во главе движения не стояли творческие работники, АРРК все более и более насыщалась «критиками», которые не написали ни одной дельной статьи, «режиссерами», которые еще только учились в ГИК, «сценаристами», которые только собирались писать сценарии. Это вторично организация.

Администрирование было в большом ходу в АРРК. Исключение Преображенской и Правова за постановку или неудачного фильма «Тихий Дон»—нагляная иллюстрация чисто административных методов работы АРРК. Не менее показательным является упорное нежелание принять в АРРК советского режиссера В. Кулешова и отнесение его к разряду буржуазных режиссеров. На всероссийском совещании АРРК секретарь АРРК т. Юков выступил со своеобразным «докладом добра и зла», отнеся без всяких к тому оснований целые группы творческих работников советского кино к буржуазному крылу. АРРК работала изолированно от основной массы творческих работников советской кинематографии и не помогала рабочему классу в борьбе за мощное советское кино.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля дает все необходимые условия для плодотворного развития всех творческих советских писателей, художников, композиторов, музыкантов, архитекторов, работников кинематографии и театра. Постановление ЦК ВКП(б) обязывает каждого работника фронта искусства и литературы к оказанию всемерной помощи и содействия советским творческим кадрам, к созданию дружной товарищеской обстановки для их работы, к беспощадной борьбе со всякого рода рецидивами администрирования, оно требует немедленной и полной ликвидации групповщины и семейственности, внимательного и чуткого отношения к творческой практике советских писателей и художников. Постановление ЦК обязывает марксистскую критику подняться на уровень новых задач, научиться работать по-новому, на основе указаний партии, на основе внимательного изучения творческой практики, на основе серьезной учебы.

Реализуем постановление ЦК

Перспектива—четкая

Выступление тов. Кирпотина на собрании актива МОПКП

Собрание актива московской организации пролеткультовских писателей открылось докладом т. **В. Кирпотина** «О организационной перестройке в связи с решением ЦК партии».

Докладчик начинает с указания на то, что постановление ЦК от 23 апреля отнюдь не является постановлением, предусматривающим лишь перестройку организационных форм работы. Постановление имеет в виду перестройку самой сущности работы.

Тов. Кирпотин останавливается на ряде моментов, свидетельствующих о глубоких внутренних процессах, происходящих в недрах советской интеллигенции, процессах перестройки, идущих по линии включения ее в число активных и сознательных участников соцстроительства. Историческая речь т. **Сталина** не относится только к экономическому участку нашей работы.

Докладчик анализирует основные моменты, предшествовавшие постановлению ЦК и вызванные это постановление. Говоря о РАПП как об организации, замкнувшейся в узкие рамки, создавшей угрозу отрыва от политических задач современности, не сумевшей реализовать важнейшие указания партии, т. Кирпотин подчеркивает, что все эти недостатки РАПП усугублялись целым рядом серьезных ошибок теоретического порядка, конкретных ошибок, о которых говорилось уже не раз (лозунг «союзник или враг» и др.).

Переходя к задачам, поставленным партией перед всей писательской общественностью, т. Кирпотин говорит о необходимости создания таких условий, в которых писатель смог бы творчески работать и создавать полновесные художественные ценности. Задача писателя состоит в том, чтобы правдиво изображать советскую действительность, задача критики — помогать ему в этом деле. И вот здесь нужно задать вопрос: справляется ли критика с этой задачей?

Наша критика часто, вместо того чтобы обратиться к конкретному анализу произведения, ограничивается перечислениями этого в произведении нет, того нет, третьего нет—и наклеиванием ярлыков.

В заключение докладчик останавливается на задачах, стоящих непосредственно перед организацией пролеткультовских писателей.

В прениях по докладу т. Кирпотина высказались тт. **Симмен, Чинарин, Перминтин, Батрак, Юрин, Демидов, Богданов, Семенов, Соснин, Астахов, Замойский, Акульшин, Крентосов и Клягин.**

Почти все выступавшие в прениях, как правило, указывали на то обстоятельство, что РОПКП в силу особых условий, создавшихся благодаря политике РАПП, до последнего времени оставалось на положении «бедного родственника». Организация, — заявил т. **Перминтин**, — всецело была предоставлена в безраздельное пользование критическим недоросткам. Многие из выступавших требовали, чтобы оргкомитет подошел к РОПКП, как к самому больному участку литературы.

Прения показали, что в основном писательский актив пролеткультовской организации правильно понял значение и смысл постановления ЦК. Писатели выдвинули в прениях ряд ценных практических предложений, подвергли критике отдельные стороны жизни своей организации.

Но были выступления, в которых прозвучала и необоснованная тревога. Так, например, т. **Чинарин** (Сев. Кавказ) заявил буквально следующее: «Все реорганизуются, а мы, пролеткультовцы, положите, обойдемся без вас, потом как-нибудь и вас реорганизуем». Выступивший затем тов. **Демидов** дополнил Чинарина заявлением: «Не надо нам этого доверия, не надо этого самостоятельного существования». Правда, т. Чинарин объяснил свою тревогу тем, что на Сев. Кавказе «газеты перепечатали постановление ЦК, а потом—молчок, ни гу-гу. До сего времени не было ни одного собрания писателей, на котором обсуждался бы вопрос реорганизации. Пролеткультовская организация Сев. Кавказа распустила работников и ждет, когда организуется северокавказское отделение». Но следует ли, однако, что нужно ставить так вопрос, как ставят его тт. Чинарин и Демидов?

В прениях по докладу т. Кирпотина говорилось о необходимости уже теперь полновесно поставить вопрос о литературных группировках РОПКП, о необходимости посылать специальный доклад РОПКП на заседания оргкомитета, о необходимости еще более усилить классовую бдительность, поскольку есть попытки неправильно истолковать постановление ЦК. Тов. **Семенов** подчеркнул, что «переходной период» РОПКП должно использовать для закрепления связи с литературными кружками на местах и активизации творческой работы писателей.

— У ряда товарищей, повидимому, создалось впечатление, — говорит в заключительном слове т. **Кирпотин**,—что РОПКП оставляют на произвол судьбы. Это неверно. Перспектива у РОПКП достаточно четкая, а пока что организации есть над чем поработать. И в кружках надо позаботиться, и о журналах надо подумать, и о творческой работе писателя и защите его интересов. Совершенно понятно, что если мы не сделаем всего этого и сразу приступим к реорганизации, мы кое-что рискуем потерять.

Отметив, что основное русло прений пошло в нужном направлении, т. Кирпотин подчеркивает:

— На постановление ЦК писатель должен ответить творческой работой, усилением творческой деятельности, подъемом своего творчества на новую ступень во всех отношениях. Правильно говорил Перминтин: «Почему нам ограничивать свое творческое соревнование рядами своих писателей? Нужно выходить на широкую творческую арену». Ясно, что это соревнование должно итти по линии улучшения художественного качества. Писатель должен добиваться лучшего обслуживания искусством процессов социалистического строительства. Мы вправе требовать, чтобы искусство помогало нам выкорчевывать остатки капитализма и создавать социалистическое общество.

Книгу—деревне

22 июня в колхозы и совхозы должны быть посланы первые эшелоны книг

Больше месяца прошло со дня постановления ЦК ВЛКСМ о сборе книг для деревни. 1 июня официально начался месячник. Московский комсомол за 9 июня собрал около миллиона книг. Всего намечено собрать около 10 миллионов экземпляров.

До сих пор в кампанию не включились профсоюзы, МОСПС, в частности, Мособразбюро. Мособразбюро не помогает комсомолу в создании десятимиллионного книжного фонда. Не чувствуется активного участия в этой работе и советской общественности. Не развернута массовая рационализаторская работа.

Ко дню открытия московской городской и областной конференции комсомола — 22 июня — в колхозы и совхозы должны быть направлены первые эшелоны собранных книг. Ко всесоюзной конференции комсомола — 1 июля — необходимо закончить отбор всей собранной литературы. Времени осталось немного. В оставшиеся 2 декады надо мобилизовать все силы.

Создание десятимиллионного книжного фонда для деревни — есть дело не только комсомола, но и всей советской общественности!

*

17 июня в Центральном парке культуры и отдыха состоится массовое гулянье, посвященное сбору книг для деревни. Вечером на площади «Смычки» состоится открытое заседание центрального московского штаба под председательством **А. Серафимовича**. На массовом участии представители правительства, МК ВКП(б), ЦК и МК комсомола и писатели. В Парке культуры и отдыха будет проведен карнавал книги.

17 и 18 июня центральный московский штаб организует обход жилых и рабочих казарм.

По инициативе МОГИЗ и его отделениям в Москве собрано 9.000 книг. По МОГИЗ намечена центральная цифра — 30 тысяч книг.

Зав. МОГИЗ **В. Барановский** внес в фонд «Книгу — деревне» 300 книг.

Зав. военным отделом МОГИЗ **Ф. Логинов** внес 221 книгу.

Зав. оргмассовым сектором МОГИЗ **И. Ермолаев** внес 213 книг.

Секретарь ячейки ВЛКСМ МОГИЗ **С. Колчеков** внес 215 книг.

Работник учетотдела МОГИЗ **И. Рычков** внес в фонд «Книгу — деревне» — 250 книг.

Поэтам—творческую среду

Как создать необходимую творческую атмосферу для поэтов в едином союзе писателей? Какой должна быть поэтическая общественность? Каковы нужды, требования поэтов?

Эти вопросы велись темой собеседования поэтов с руководителями оргкомитета союза писателей РСФСР.

Что говорили поэты?

До последнего времени в поэтической среде наблюдалась разобщенность, творческая замкнутость отдельных поэтов. Голос поэтической общественности игнорировался. Отсутствовала серьезная критика работы поэтов.

Громадным стимулом к творческому расцвету советской поэзии является постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций (**Д. Алтаузен**).

Надо создать творческую обстановку, наладить творческую жизнь поэтов. Вокруг конкретной поэтической продукции необходимо развернуть творческую дискуссию, организовать при союзе писателей РСФСР секцию поэтов (**А. Безыменский**). Должен быть организован специальный периодический альманах, в котором найдет отражение творчество поэтов (**Н. Адуев**). Очередная задача поэта—работать над повышением художественного уровня поэзии (**М. Голодный**), максимально себя творчески проявить (**Г. Санинов**), ликвидировать отставание советской поэзии и создать образцы новых поэтических произведений (**М. Светлов**).

Это в значительной мере зависит и от перестройки работы издательств, их поэтических секторов. Поэт должен активно проявить себя и в издательстве, и в журнале, и в газете (**И. Уткин**).

Рабочий-ударник, приходящий в литературу, не получает до сих пор должной помощи в своей творческой учебе. Дело подготовки поэтических кадров не может и не должно пройти мимо внимания квалифицированного поэта. Руководство движением ударников должен обеспечить оргкомитет, практическую помощь в творческом росте новых писателей—писатель (**Э. Багрицкий**).

Рабочий-ударник хочет повысить свой общий культурный уровень, расти творчески—он ждет помощи от квалифицированных писателей (рабочий-поэт т. **Смеляков**).

Задача нашей критики—дать правильную оценку современной поэтической продукции, продвинуть лучшие произведения поэтов рабочему читателю (**В. Инбер**).

Тт. Гронский и Кирпотин подвели итоги выступлениям поэтов и подчеркнули необходимость создания творческой атмосферы для работы поэта и повышения идейного уровня нашей критики. Работа с начинающим автором должна явиться одной из основных задач наших поэтов.

А. КР—ОВ.

Внимание детской литературе

На собрании детских писателей ВОСП с докладом выступил оргкомитета т. **Павленко** сделал краткое сообщение о детской литературе.

— Наша детская литература,—говорит т. Павленко,—больна болезнью старчества; в ней нет занимательности, яркой художественной изобразительности, живой детской среды. Постановление ЦК отмечает серьезные недочеты нашей литературы и намечает пути ее перестройки. Детская литература должна в художественной, увлекательной форме содействовать коммунистическому воспитанию подрастающего поколения.

В оживленных прениях детские писатели выразили полное свое согласие с постановлением ЦК.

В прениях указывалось, что за пятнадцать лет Октября детская литература добилась больших достижений. Советский писатель в лучшем значении связан с детьми своей и другой советской тематикой. Но все же детская литература далека от выполнения своих задач.

Нужно преодолеть трудности, стоящие на пути детской книги. Малый листаж, с одной стороны, недоделка и почти полное невнимание критики к детской литературе,—с другой, не способствуют ее росту. «Молодая гвардия» не сумела организовать творческой работы с детским автором. Частые смены редакторов, их разноречивые указания дезорганизуют писателей, которые и сами не находятся на высоте.

Много возражений вызвало выступление т. **Лядовой** («Молодая гвардия»). Писатели поняли т. Лядову так, что издательство ориентируется, главным образом, на «взрослых» писателей. С ними, с «именами», заключаются договора, от них ждут крупных произведений для детей...

Детские писатели с радостью встретили приход «взрослых» писателей в детскую литературу. Но в какой неистовой борьбе конкуренции, конечно, не может быть и речи. Однако будет совершенно неправильно противопоставить «взрослого» писателя писателю детскому, как писателя «квалифицированного»... писателю... «неквалифицированному».

В прениях по докладу т. Павленко участвовали товарищи Ауслендер, Акульшина, Бывалов, Дзобинский, Кассиль, Розанов, Смирнов, Рахтанов, Тейн, Гольфин, Чапкова и др.

На ближайшем заседании бюро детсекции будут намечены пути дальнейшей работы детских писателей на основе постановления ЦК от 23 апреля.

Оргкомитет писателей Западной области

СМОЛЕНСК. (Наш. корр.). Общее собрание советских писателей Западной области приветствует решение ЦК ВКП (б) от 23 апреля о перестройке литературно-художественных организаций.

Для подготовки и созыва первой областной конференции писателей и руководства литературным движением избран организационный комитет в составе: **Локтева** (председатель), **Рыленков** (секретарь) и членов — **Завьялова, Либермана, Лепского, Бурштыма, Гайдука** и **Смирнова**.

На этом же собрании избрана новая редколлегия журнала «Наступление», в составе тт. **Завьялова** (редактор), **Смолина, Рыленкова, Синельникова** и **Винницкого**.

НИК. ШУБИН

Выставка по истории заводов

В помещении московского областного архивного управления (Красная площадь, № 1/9) открылась выставка архивных документов, посвященная истории заводов и фабрик.

На выставке представлены документы, характеризующие эксплоатацию рабочих в период капиталистического режима и борьбу рабочих за экономическое и политическое раскрепощение. Есть также отдел, посвященный истории пролетариата в годы гражданской войны.

Выставка открыта ежедневно от 11 до 18 часов, вход бесплатный.

На собрании еврейских советских писателей

4 июня состоялось общемосковское собрание еврейских советских писателей. Собрание заслушало и обсудило доклад т. **МУСИНОВА** о постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля.

Выступавшие в прениях еврейские советские писатели и драматурги (тт. Маркиш, Персов, Стрелин, Заис, Гофштейн, Рабин, Шолохов, Слепян, Годинер, Орланский, Окурский, Добрушин) отметили большую историческую важность постановления ЦК.

Постановление ЦК о перестройке литературно-художественных организаций мобилизует всех советских писателей на выполнение огромных задач, стоящих перед фронтом литературы и искусства. Еврейская литература много потеряла от того, что была изолирована и стояла в стороне от общего потока пролетарской художественной литературы. Еврейские советские писатели должны войти на равных началах в единый союз советских писателей и принять активное участие в его работе. Необходимо издание специального журнала еврейской художественной литературы (И. Маркиш). Еврейская секция б. МАПП была оторвана от других организаций, ее руководство преобладалось принципом групповщины (Заис).

Далее писатели отмечали необходимость созыва всесоюзного съезда еврейских писателей.

По вопросу об организационных формах работы в едином союзе советских писателей были высказаны две точки зрения: одна — отрицающая необходимость создания секции еврейских советских писателей в едином союзе, другая — отрицающая необходимость создания такой секции.

За качество работы с ударниками!

НЕПОЧАТЫЙ РОДНИК ТАЛАНТОВ

Ударнику-призывнику — обеспечить повседневную и глубокую помощь

«Широчайший размах социалистического строительства, грандиозное расширение вширь и вглубь культурной революции потребовали от литературы более высокого художественного отображения и показа социалистической стройки».

Вместе с тем рабочий класс в колоссальном количестве выдвинул в литературу сотни перелевшихся ударников. Призыв рабочих-ударников, явившийся большим повышением литературных кадров, потребовал такой постановки дела, при которой было бы обеспечено идейно-художественное воспитание «молодняка». Однако РАПП не создала необходимых условий для этого.

Обилие организационных дел, «окололитературная» возня отвлекала внимание от разработки конкретных вопросов творчества, от проблемы кадров, воспитания и обучения ударников. Большое место занимала организационная суетня, занимала в ущерб основным творческим вопросам. Передовая «Литературной газеты» от 10 сентября 1931 года, говоря о IV пленуме РАПП, признает, что «вопросы чисто организационного порядка занимали на пленуме значительное место». Сказано скромно, но отмечено правильно. Передовая не дает ничего, должной оценки этим «чисто организационным» вопросам, не дает характеристики этих вопросов. Между тем временами организация и обсуждение выросли до таких размеров, что РАПП превращалась «в не лишнюю организацию рабочего класса на литературном фронте» (см. «Литгазету» от 4 февраля с. г.). Печатая такие темы, «Литературная газета» не пытается даже подвести под тем, что ведущей организацией рабочего класса на всем участках является партия и ее ЦК.

Призыв ударников в литературу дал новые писательские кадры. Но когда дело дошло до конкретной воспитательной работы с ударниками, до конкретной, повседневной помощи — оно замедлилось, затормозилось, не получило должного развития. Ударник сразу был обвинен «зоилом» в литературе, и, таким образом, забота об ударнике-призывнике и ответственность за него уменьшились. Приход ударников в литературу был воспринят как приход уже сложившихся новых писателей.

«Рабочие-ударники, — читаем мы в «Литературной газете», — уже сегодня дают победу в литературе». Рабочий-ударник на деле стал хозяином в организациях пролетарских писателей. Если говорить о рабочем классе как носителе диктатуры пролетариата, то он давно стал хозяином и не только в отдельных организациях, но и во всей стране Советов. Но это еще не означает что механически в порядке самотека выше «новый тип писателя», что рабочий является как бы «врожденным» пролетарским писателем.

Вместо того чтобы мобилизовать широкий писательский актив для повышения идейно-художественного уровня ударников, рапповское руководство и в особенности «Литературная газета» ограничились декларациями. «Литературная газета» — творческая трибуна всего литфронта движения — ничего не сделала для творческого воспитания призыва.

Ударник по методе РАПП удивительно быстро превращается в «центральную фигуру литдвижения», он «вростает» в литературу без типичных хлопот, просто путем «самотека». Таким образом происходит искусственное «лелеяние» писателя. Ясно, что при такой постановке работы не может быть и речи о серьезной учебе призывника, о его творческом росте.

В № 52 «Литературной газеты» (26 сентября 1931 года) говорится о том, что «в ряде организаций уже сейчас творчество рабочих-ударников является вопросом, определяющим творческое лицо всей организации». Совершенно очевидно, что такая успокоенность объективно приводила к демобилизации различных писательских сил в деле оказания помощи рабочим-ударникам.

Лакировка, оперирование теории «захрахоженности» рабочих-ударников от ошибок, либерально захваливание — все это вело к ослаблению руководства, к недооценке роли воспитания, к демобилизации. Взять хотя бы простую, но важную работу — литературную консультацию рабочих-ударников. «Здесь у нас, — признает т. Макарьев, — царит полнейший хаос». И нужно сказать, что этот «полнейший хаос», несомненно, явился результатом лениной практики в работе с ударниками.

Теперь о том, как поставлена помощь ударникам по линии критики. Тов. Фадеев в одном из своих докладов сознается, что «нам должно быть стыдно», если нам нечего сказать о рабочей критике». Эти слова можно отнести и к критике произведений рабочих-ударников. Мало дельного сказано на страницах «Литературной газеты» о произведениях ударников. Вместо деловой конкретной критики мы нередко читаем елеемазанные лакировщика, который ставит читателя в известность, что у «рывка» литературы «в математических лесах пятерок в 4 года» и что он:

«В 12, под вьюсы радио
заметки в стенгазеты строчит»

или же:

«А то сочиняет о сварных
чудовища стихотворений».

Такой «стиль» в работе с ударниками успокаивает, ослабляет ответственность за их рост и развитие, ослабляет работу по руководству ими. Эта елейность, сладкие жесты и левое фразерство, а подчас просто интеллигентско-либеральное «рабочелюбие» покрепили прекрасно пачатому профсоюзу, РАПП и комсомолом делу по призыву ударников в литературу. «Плохо дело с учебой ударников», — признает тов. Макарьев («Литгазета», № 52 за 1931 год), и мы с ним согласны.

В писательском, как и во всяком деле, талантливость играет огромную роль. Сестли, однако, все к «врожденной» талантливости ни в коем случае нельзя. Талант растет в определенной социальной обстановке, он проникнут определенной классовой направленностью. В других социальных условиях талант данной личности не мог бы выявиться.

«Социализм создает возможность... обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капиталистический мир давил, душил тысячами и миллионами», — писал Ленин (собр. соч., т. XXII, стр. 158). **Призыв ударников в литературу и есть одно из проявлений силы этого непочатого родника талантливости рабочего класса и колхозников.** К талантливости нельзя подходить как к чему-то застойному, або талантливость развивается в результате практики, получения навыков и усиленной работы в определенном направлении. К тому же таланты различны, и шаблон в оценке творчества писателя нужно всячески изгонять. На страницах же «Литературной газеты» шаблон прогулялся часто и наойлайно. У рапповских организаций отсутствовало умение выявлять таланты каждого в отдельности. Уж больно увлечены были «статистикой», уж слишком любовались «грандиозностью дела». Не лишнее напомнить здесь сказанное т. Кагановичем на съезде комсомола: «Нужно уметь вырочать тысячами, но нужно уметь выявлять таланты каждого в отдельности».

Ударника-прозаика необходимо поднимать до уровня художника. Нельзя замораживать его рост. Широкие горизонты творчества и раскрытие творческих способностей возможны только тогда, когда овладение творческим методом будет построено на основе вооружения ударников марксистско-ленинским мировоззрением. Можно ли после этого обойти молчанием тот факт, что программы литкружков были построены на фундаменте дряхлого и заезженного культурничества?

Знакомясь с письмами ударников и их заметками в «Литгазете» и в местных газетах, видишь, что сами ударники не скрывают своих недостатков, а указывают на них и просят, чтобы им помогли от них освободиться. «У нас имеется, — говорят многие призывники, — масса сырого, необработанного материала но у нас нехватает навыка, как его переварить, оформить и придать ему классовую заостренность; нам часто мешает изнуряющая «сухая языка», часто у нас получается протокольный, а не художественный показ». Этот недостаток хорошо выразил в стихотворении А. Сурков:

«Мне хочется петь,
Но фука бескультурья
Зажала широкие крылья стиха».

Все это только заострает вопрос о необходимости серьезной, глубокой повседневной работы с ударниками-призывниками.

Н. ИАГАНЕРОВА, П. БОРОНИН, М. САГИДУЛЛИН

И снова счета не оплачены!...

О журнале „Резец“

Массовому литературному движению, безусловно, нужен учебно-творческий рупор, такой орган. Его страницы должны быть широко открыть для освещения опыта работы кружков и творчества ударников, он должен на конкретном материале помогать товарищам повышать свою писательную квалификацию, устранять недостатки, преодолевать ошибки своего творчества, он должен в популярной форме знакомить своих читателей, состоящих в основном из новых рабочих литературных кадров и их резервов, с общим положением на литературном фронте, он должен передавать опыт квалифицированного писательства.

«Резец» — журнал, необходимый для руководства массовым литературным движением. Лучшее свидетельство тому — популярность журнала, давно вышедшая за границы Ленинграда, его крепкая связь с читателем, тот факт, что через страницы журнала прошли десятки и сотни начинающих товарищей из всех самых отдаленных районов СССР, что через консультацию «Резца» в год проходит по нескольку тысяч рукописей. За 1931 год консультацией было отправлено 15.500 писем. На учете в консультации состоит 4.000 авторов, из которых ленинградских — 1.500.

В 1931 году «Резцу» была свойственна некоторая разбросанность, клочковатость материала и лабораторность. Новая редакция, принявшая журнал в конце 1931 года в плачевной мере устранила эти недостатки. Выпущено несколько неплохих тематических номеров: красноармейский, комсомольский, интернациональный. Другие делаются посвящаются творчеству ударников (№ 4-5 — смотр Выборгского райкома). В критическом отделе редакция неоднократно пытается ликвидировать случайность в подборе рецензируемых произведений, перенося центр тяжести на книжки рабочего ядра ЛАПП.

Но при всех этих хороших начинаниях редакция «Резца» упускала из виду основное — качество работы.

Какими понятными и формулами оперировал журнал в работе с ударниками? Возьмите любую статью и вы увидите, что все они, как две капли, похожи одна на другую, игнорируют возрастных уровень читателя и очень непопулярно, а, во-вторых, совершенно не раскрывают существа вопроса на конкретном материале. В каждой статье есть «конфетка» о мировоззрении, есть говорится о слабом (или высоком) идейном уровне, но очень редко критики действительно стремятся помочь автору и читателю анализом отдельных образов, мыслей героев и т. д. Забывается специфика литературной критики.

Что, например, может дать рецензия М. Гольштейна в № 4-5 «Резца» «Лодия, уносившие времена», заполненная такими перлами: «Совсем незамеченными отдельными штрихами, разбросанными по всему очерку дается характеристика Гейзера. Попробуй разберись тут, воспользуйся опытом, когда штрихи незаметны!

В ряде статей даются политически неточные и неверные формулировки. Так, критика «Резца» в статье о творчестве литкружка «Красная гора» определенно сектантские строки в стихотворении г. Гаврилова квалифицирует как «боязнь реалистичности». Вместо указания на факт попорки основных кадров интеллигенции в среду советской власти в всех необходимых выводах на этот, говорится только, что «нам нужно бороться с вредительством, а не бояться его на каждом шагу».

А вот таким языком разговаривают с ударником. В том же № 4-5, в абсолютно неконкретном «письме из редакции» есть такой абзац:

«Об'ективно к такой же ошибке сводятся те товарищи, которые в своем творчестве дают синтетические образы только отрицательных людей. Поскольку им не противопоставляются центральные фигуры нашего времени (**ведущая противоположность**), постольку отрицательные фигуры берут в произведении перевес, и на них концентрируются все мысли и чувства читателя».

Кто из ударников поймет такой «способ выражения» своих мыслей? Не зря г. Цветков говорил на совещании по поводу литконсультации «Резца»:

«Пишет мне Дубровский: «У вас диалектика плохая»... А с чем ее едят, и не знаю «Учитесь», — говорит, а где учиться, я тоже не знаю».

Низкое качество критики творчества ударников, нечетные формы и методы не неизбежно сказываются на тех произведениях начинающих писателей, которые печатаются в журнале. Особенно это относится к очеркам и рассказам на темы показа героев. Большинство их схематично, «заметно», лакировочно. Редакция же, не скупившаяся на декларативные статьи о показе героев и умудрявшаяся уже после постановления ЦК напечатать грубую, замазывающую недочеты этой работы передовую (подвергнутую критике в «Л. Г.» от 29 мая), не обеспечила действительной помощи рабочим-писателям.

Неизвестно, по каким соображениям редакция отказалась от практиковавшегося ранее в «Резце» разбора одновременно с печатанием художественного материала журнала.

Но, может быть, не сумев наладить собственную учебно-творческую работу с ударниками, «Резец» воспитывает в них правильное отношение к литературным явлениям и событиям, слушки грубым самокритикам, борется с группщиной и т. д.? Двенадцать номеров журнала за 1932 год дают исчерпывающий ответ на этот вопрос.

«Резец» совершенно правильно не ограничивает свою критическую работу только произведениями ударников. Последние нуждаются в опыте всей пролетарской и советской литературы, и «Резец» давал ряд статей о творчестве выдающихся квалифицированных писателей. Однако за исключением нескольких статьи об Афиногенове, Колосове, Соболевском, Мирошниченко) эти статьи являют собой пример зубрилаторства и начетничества.

Прямое замалчивание вызывает «критика» П. Федотовым творчества А. Дмитриева (№ 6). Нужная, хорошая книга А. Дмитриева «Есть, рости корабль» объявляется П. Федотовым антипролетарской, сделанной по рецептам «Литфронта», искажающей действительность и т. д. Пользуясь известным «цитатным» методом, «критик» утверждает, что Дмитриев сознательно принимает образы большевиков-краснофлотцев и подпимает за них образы врагов. Понятно, что дойти до таких пасквильных заявлений можно, только потеряв всякую способность понимать действительный смысл произведения. Именно это и демонстрирует П. Федотов, принимая за чистую монету явно иронические замечания автора о сложности и многогранности натуры старых офицеров или обвиняя А. Дмитриева в клевете на командиров флота на основании характеристики политрука; последний не сразу отвечает на вопросы краснофлотцев, прищурив и скулит.

Редакция напечатала эту статью в порядке дискуссии. Но разве таким методом дискуссируют, разве такая критика может помочь писателю?

Особенно кулуаризировал «Резец» в отношении писателей-попутчиков, упорно осуществляя лозунг «Собаки или враги». Так, И. Эфетов в обзоре «Проеска оружия к бою» (№ 3) по существу выбрасывает за борт советской литературы таких писателей, как А. Толстой и М. Козаков, «авторитетно» заявляя, что они «с большой оговоркой могут числиться в этом стане» (попутчиков). Это же повторяет и М. Чумандин в выступлении на критическом совещании ЛАПП (№ 8) в отношении И. Ковакова и М. Зощенко. Примеры легко умножить...

Итак, на вопрос о том, воспитывали ли «Резец» в своих читателях правильное отношение к литературным явлениям, к отдельным произведениям и писателям, приходится ответить отрицательно. С еще большим основанием такой ответ следует дать на вопрос, служил ли «Резец» орудием самокритики, боролся ли он с группщиной, за действительную (а не декларативную) перестройку РАПП. И то, что такой борьбы нет на деле, в наборот, сам проводил групповую линию, замалчивая ошибки, является его наиболее тяжкой ошибкой. Новые кадры массового литературного движения, таким образом, дезориентировались, их энергия не мобилизовывалась на реализацию неоднократных указаний партии РАПП о перестройке.

«Резец» часто говорит о самокритике, десятки раз декларирует перестройку. А на деле... на деле мы нашли в нем лишь одну действительно самокритическую статью «За новые кадры пролетарских критиков». Но поместив эту статью, журнал не сделал из нее практических выводов, в частности он не перестроил свою критическую работу. Чего же стоит такая самокритика, остающаяся на бумаге?!

В других случаях «Резец» вообще не держит критиковать. Нечего и говорить о том, что на страницах журнала не были подвергнуты подлинной разворотной критике ошибки руководства и отдельных товарищей из РАПП, неудачны работы критических совещаний и т. д. Журнал мобилизует свою активность на другое: он спешит дать отпор попыткам действительной критики РАПП. Так, специально частся (в № 9) обзор литстраниц ленинградской комсомольской газеты «Смена», в котором оценивается критика газетой недочетов РАПП. Так, в статье «Создадим творческую среду» почти вся вина за отсутствие последней перекладывается на... коллективы ВЛКСМ и рядовых лапповцев, будто бы сравнивших все начинания секретариата ЛАПП. В заключение статьи призывает секретариат принять административные «самые жесткие меры».

«У нас все благополучно», по сути утверждает «Резец», неоднократно заявляя, что все ошибки раскритикованы, перестройка идет успешно, и т. д. и т. д.

Но вот опубликовано постановление ЦК партии о перестройке литературных организаций. Что делает редакция «Резца»? Она выпускает № 11 без постановления ЦК, с групповой передовой. Она выпускает № 12, где заглавной идет статья «Правды» и редакционная статья, в которой не найти конкретной критики ошибок журнала, его групповой линии; в самом же номере на четвертой странице напечатано постановление ЦК, а на 12-й, в статье зам. редактора журнала Ф. Бычкова «О участии ударников», утверждается, что единственное — «крепкое большевистское ядро руководства литературным фронтом».

Как все это называется?

Правда, есть еще одна подробность. В конце сказано приводится справка зав. типографией о том, что № 11 был подписан к печати 22 апреля, а № 12 — 29 апреля. На этом основания редакция отводит от себя всякие обвинения: ничего, дескать, не могли поделать.

Но... ведь в той же справке указано, что за отсутствием бумаги журналы не печатались: № 11 — до 10 мая, а № 12 — до 17 мая. А это значит, что редакция имела полную возможность, что угодно снимать, изменять и т. д.

И это единственная справка, которая может и должна быть принята во внимание...

***

Ленинградский оргкомитет утвердил новую редакцию «Резца». Ей предстоит прежде всего ликвидировать остатки группщины, развернуть подлинную самокритику, мобилизовать творческие кадры «Резца» и его читателей на реализацию решения ЦК.

ЛЕНИНГРАДЕЦ

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „РЕЗЕЦ“.—КАКИМ БУДЕТ „ЛЕНИНГРАД“ КРУЖКОВЦЫ-ДЕЗЕРТИРЫ.—„ПИСАТЕЛИ“, КОТОРЫЕ НИЧЕГО НЕ НАПИСАЛИ

После того как последние номера б. органов ЛАПП — «Резца» и «Ленинграда», продемонстрировавшие попытку редакции этих журналов задержаться на старых осужденных позициях, встретили резкую критику нашей газеты и ленинградской печати, мы ожидали услышать в докладах редколлегий «Резца» и «Ленинграда» на заседании ленинградского оргкомитета, по крайней мере, каких-либо объяснений и признания допущенных ошибок. Но и эти ожидания не оправдались...

Доклады, кстати, делали не ответственные редактора журналов, а зам. редактора «Резца» т. Ф. Евсеев и член редколлегии «Ленинграда» т. Л. Левин. Ответственных же редактора этих журналов не только отсутствовали на заседании оргкомитета, но, по словам докладчиков, их, как и большинства членов редколлегии, не видно было и в повседневной работе редакций.

На этом признания самокритики и кончилась. Доклады свелись к информации о рукописях, находящихся в редакционном портфеле, намекам ближайших номеров и замечаниям о низком тираже и гонораре... От признания ошибочности позиций, занятых в № 11 и 12 «Резца» и № 4 «Ленинграда», докладчики уклонились.

Оргкомитет на том же заседании утвердил новую редакцию журнала «Резец», который остается учебно-творческим журналом начинающих писателей. В новую редколлегию вошли тт. Д. Лаврухин (отв. редактор), А. Чернилко, М. Козаков, А. Решетов и В. Гарнибесов.

При обсуждении вопроса о «Ленинграде» выяснилось, что ряд писателей (М. Козаков, М. Слонимский, Н. Никитин, Н. Браун, А. Прокофьев и др.) считают необходимым обсудить лицо реорганизуемого журнала, его новую программу. Эта группа членов оргкомитета высказала пожелание превратить «Ленинград» во второй «толстый» ежемесячный журнал. До окончательной выработки программы «Ленинграда» создана временная редколлегия (**Н. Семрин, И. Скорнино, Н. Браун, Н. Никитин, А. Прокофьев**).

***

Работою литературные кружки требуют самого пристального внимания и решительных мероприятий со стороны оргкомитета. Несмотря на прорывы в руководстве массовым литературным движением со стороны ЛАПП, в Ленинграде есть литкружки на фабриках и заводах насчитывают свыше тысячи кружковцев. Однако после постановления ЦК о перестройке литературно-художественных организаций многие кружководы-лапповцы самотеком бросили свою работу; в результате ряд литкружков уже развалился.

Комиссия оргкомитета по кружкам для усиления руководства массовым литдвижением, начиная с 15 июня, прикрепит ряд слетов литкружков фабрик и заводов.

В ближайшее время большая группа ленинградских писателей должна выехать на новостройки, принять участие в разных научных и разведывательных экспедициях. Специальный «штаб писательских бригад при Ленфоне» предстоит большую работу по разработке маршрутов писательских поездок, заключению договоров с хозяйствами и пр. Штаб забыл лишь позаботиться о составе своих бригад, об укомплектовании их писателями, творческие возможности которых обеспечат результаты поездок.

Добрая половина предполагаемых участников бригад (уже утвержденных штабом) оказалась случайными людьми, имеющими очень отдаленное отношение к литературе, «писателями», которые только собираются писать...

По решению оргкомитета состав бригады будет пересмотрен.

В. Р.

Л. Никулин

„Синсерометр“

Из романа „Время, пространство, движение“*

„Синсерометр“—глава из биографического романа. Роман показывает судьбу сверстника автора, юность и молодость которого прошли между 1905 и 1917 годами, между двумя революциями. Построение романа позволяет автору передвигать читателя во времени и пространстве, показывать Россию и СССР в разные эпохи. Париж довоенный—1911 и Париж кризиса 1931 года. Данная глава—эпилог одной части романа, относящейся к эпохе нэпа. (АВТОР)

Как знаменательны, как чудесны кремлевские здания в эти утренние часы! Пустынные, чистые площади с расставленными в безыдейном порядке колокольнями и соборами на которых зеленоватой весной вымытрели затхлый воздух, запахи воска и ладана. Ты переходишь чистую, гладкую площадь, стук каблуков о камни, и звонко гулкие, но это не эпическая и не лирическая тишина Москвы и в каждом из уцелевшего мира. Мне показалось особенно значительной и важной эта тишина потому что в ней есть сходство с тишиной святых, прозрачных и чистых залов радиотелеграфной станции. День входит в такой зал, как в каменный храм воздуха, как в греческий портик, день и ночные наблюдатели занимают этот зал, вслушиваясь на эквиторных плоских волн и на ультракоротких метрах, ловят футляры турбин. Сквозь блеск и тишина, нарушаемые шагами дежурных и тихим, мелодическим гулом настолько ровным и молодостным, что он не разбивает, а дополняет эту величественную тишину. Этот мелодический, мелодический гул заполнит с человеческой, сверхчеловеческой работой стихии, о работе могучей и [illegible] Вашу силу, какую [illegible] Вашу, [illegible] металлические [illegible] турбины... Эта мысль показала мою сверстника, когда ему случалось проходить по тихим кремлевским площадям и вслушиваться в звонкие [illegible] их [illegible] и угадывать в этой [illegible] силу, концентрированную, сжатую в клубок энергию [illegible] Вот почему мы [illegible] мысль и дело смотрели на [illegible] бы сочный Кремль.

В июле 1920 года молодая женщина, одетая в белое легкое платье (в шляпе, похожа и на [illegible] Ливкенса) и молодой человек в полувоенном костюме вошли в вестибюль Большого [illegible] Кремля проверить [illegible] Кремля позвонили [illegible]

— Здравствуйте, товарищ Сверер.

— Здравствуйте, товарищ Катерина.

Спутник той [illegible] товарищем Рейснер, спрятал зеленый билет. Обладатель этого билета разрешался вход в качестве гости на заседания II конгресса Коммунистического интернационала. В руках у Л. М. Рейснер кроме зеленого билета были две темно-красных гвоздики. Она поднималась по лестнице не слишком быстро, потому что пожимала руки делегатам, и остановилась, чтобы сказать два слова и отдать вторую гвоздику бедной и очень подвижной, пожилой женщине. Спутник Ларисы Михайловны был довольно рассеянный человек, и пока он собирался с мыслями, он потерял и Ларису Михайловну и пожилую женщину. Это была Сильвия Панкхерст, вождь суффражисток, сторонница бойкота парламента и противник лейбористов. Наше поколение впервые узнало ее имя из либеральных, левосоциалистических газет. Затем поплыли фельетонисты и куплетисты долго острили по адресу антимилитаристки, отважной борца за права женщин, пеципетнего суровый режим британских тюрем. Только слухи и пошлятки могли хихикать над иллюстрированным журналом, изобразившим эту отважную женщину в руках двух здоровенных полисменов, не имя Сильвии Панкхерст в тот год звучало для нас подлинно и звонко как имя человека эпохи. Но эпоха наступала на нас, теснила и отгоняла событиями, датами, именами, и не мудрено, что мой герой потерял в этом круговороте людей и событий Сильвию Панкхерст, человека эпохи. Кроме того мой герой был в тот день особенно рассеян, потому что только сегодня из Петрограда и после бессонной ночи в коридоре вагона провел пять часов в ПУР (Политическое управление РККА). Он был политработником флота, только что откомандированным в Балтийский флот походным штабом волжско-каспийской военной флотилии. На его плечи взгромоздили целый морской наркомпрос с сотней школ, библиотек и клубов. Все же эта была периферия, так сказать, окраина, отдаленный укрепленный район революции, а здесь был главный штаб революции мировой, именно здесь в сусально-золотом Андреевском зале, откуда еще не успели убрать трон последнего самодержца. Мой сверстник довольно неуверенно бродил по дворцовым залам и галлереям, где устроили временную выставку из фотографий и диаграмм и агитационных плакатов. Солнце, как и полагается июльскому солнцу, неистовствовало в галлерее и казалось совершенно тропическим, когда его лучи падали на темнолиловую кожу делегата Индо-Китая. Тропические оранжерейные пальмы еще подчеркивали этот неожиданный эффект. У рассеянного политработника не было водителя в лабиринте галлерей и зал, его смущало ошеломляющее сочетание громоздкой пышности дворцовых апартаментов со штабной, боевой обстановкой работ конгресса. Трибуна, обыкновенный, крытый красным сукном длинный стол президиума, зеленые колпаки рабочих лампы стенографисток в сусальное золото на стенах, балдахин трона, малиновая, тяжеловесная сень над рабочим столом. Сначала мой сверстник сел несколько поодаль, но, увидев много свободных мест впереди, он пересел во второй ряд и старался узнать делегатов, всматриваясь в их лица.

Для молодого человека того времени все, что происходило, имело особое значение, молодой человек был во власти романтических представлений.

«Два интернационала принадлежат забвению и истории, третий—Коммунистический интернационал — обращает свой голос пролетариату всего мира. Он собирается у себя, на земле Советов, на земле, взятой с бою у капиталистов русскими коммунарами, он стоит прочно обеими ногами на земле Коммуны и голос его заглушает гром вранглевских орудий» — так строил в уме речи делегатов молодой человек, и он уже думал о том, где и когда и на каком краснофлотском митинге он именно так начнет свою речь. Судорога жала ему горло, и сердце забилось сильно и бурно,—ему показалось чересчур будничной, деловой и спокойной атмосфера конгресса.

Зал наполнялся, в прихлопе переплетывали оттиски стенограмм. Лариса Рейснер села рядом с моим сверстником, она сказала ему:

— Сейчас будет бой, сейчас пропишут ижицу Кюльтчу с другим.

Романтик не представлял себе, как именно «пропишут ижицу». В те дни были споры по первоначальному вопросу тезисов Л. И. Ленина, что на юге действовал еще небольшой Врангель, его армию ликвидировали только через три месяца. И в этой сложной боевой обстановке в Андреевском зале и вокруг Кремля, в коллективах и ячейках, обсуждали национальный и колониальный вопросы. О чем же думали в лагере противника, какие интересы враги противопоставляли идее интернационала, сонму пролетариев всего мира?

За день до приезда в Москву, в двадцатых числах июля 1920 года, мой товарищ, работник органов, боровшихся со шпионажем и белой разведкой, показал мне найденное при обыске письмо из-за рубежа:

«Моя Снегурочка, — писал неизвестный корреспондент, — хоть и не время, я хочется сказать «Христос воскресе!» «Воистину воскресе», скажи, моя Снегурочка, потому что сегодня утром мой друг С. Ал. Р. сказал мне: «Поздравляю, Британия открыто вступает в игру». Это значит: еще месяц—и твой Лель поступится в врагдома на Кирочной. Теперь слушай. Передай В. З. и скажи ему, что все остается по-старому и что нельзя уступать половину «Отрадного» за шестьсот тысяч петроградских и билеты дворянского займа, ни даже за дюжины бриллиантов. Не уступай, во-первых, потому, что с нас хватит и тех, что спрятаны Гавриком в «Отрадном» перед отъездом в казачество. Держи в порядке все бумаги, и кубчую, и закладные, и все, что относится к тяжбе, пусть В. З. все приобщит к моему приезду. У меня здесь хорошее положение, и как надо иметь у нас высокий земельный ценз, — так советуют мои друзья англичане. Это надо для будущей думы, которая будет не жидовско-кадетская, а вроде булыгинской, так здесь говорят. Подожди еще месяц, Снегурочка, их сожмут с запада и юга, бог с тобой, и через месяц твой Лель будет в нашей кроватке возле своей Снегурочки».

«Высокий земельный ценз» — вот, оказывается, о чем думал и гадал кудрявый Лель, пока настоящие люди имели мужество в сложной, боевой обстановке обсуждать в коллективах и ячейках «академический» и национальный и колониальный вопросы. Такие люди должны победить, и они победили.

Председатель дал слово В. И. Ленину.

Следует еще и еще раз сказать, кем был Ленин для пролетариата и для нашего поколения и тем более живого Ленина. Об этом уже написаны многие тома, об этом напишут целые библиотеки томов, и те из наших современников, которые видели Ленина только в кристалле стеклянной надгробной крышки, поймут волнение моего сверстника. В 1918 году Л. М. Рейснер сказала автору этих записок: «Какой обаятельный был в Смольном в первые дни. Не было настоящей охраны, даже только у комнаты Ленина. Там как-то само собой делается, часовые всегда на месте, и все по-военному, как полагается. И это только потому, что там—Ленин. Матрос или красногвардеец понимает, кого он охраняет».

Председатель дал слово В. И. Ленину.

Перед глазами романтика вдруг замешкали воображаемые стихи Конвента, смерч алых знамен, боевые рожки и трубы коммунаров запели у него в ушах... Кисть Давида и Курбэ, все написанное стихами, прозой и кистью о вождях минувших революций вдруг встали в сознании моего современника и сверстника. Но стихи безмолвствовали, молчали боевые трубы не понесвельнулись полотнища знамен, и только наступила тишина, в которой чувствуется настороженность и внимание десятков сот или нескольких тысяч слушателей.

В. И. Ленин не сделал никакой паузы и не сделал ни одного жеста, присущего испытанному трибуну и оратору. Он не сделал ни одного жеста и не бросил взгляда на тех обдуманных жестов и взглядов, которые имеют единственной целью привлечь и сосредоточить внимание слушателей. Он читал не слишком громко и довольно быстро тезисы по колониальной и национальной политике. Так говорит человек, внутренне убежденный, внутренне уверенный в том, что его мысль дойдет до слушателя и убедит его, потому что это единственно верная, правильная мысль. В. И. Ленин читал эти известные всем тезисы по-немецки и окончив их читать так же ровно и отчетливо без всякой склонности к эффекту. В зоологии зале дружно захлопали и тут же многие встали и ушли из залы, потому что один за другим на трибуну поднимались переводчики и переводили текст тезисов на итальянский, французский и английский языки. Мы шли в зал, напоминающий театральное фойе, в зал налево от стола президиума, и там опять мой сверстник смотрел на Ленина. Ленин говорил быстро, не запинаясь, произносило говорил по-английски с собеседницей, но мой сверстник слушал только его голос, звучный и понятный голос и жизнерадостный смех, необыкновенный, неожиданный в этом, как показалось ему, суровом и строгом на трибуне человеке.

Мой сверстник был романтиком и слегка поэтом, и потому, что он был романтик, он изумлялся, [illegible] [illegible] — чем а не смотрит и не слушают величайшего человека нашего времени. И так он смотрел на Ленина и запоминал его и уже не удивлялся тому, что ни один портрет, ни одна фотография не передает живости этого лица и проницательности и ума этих глаз.

Это был второй и последний раз в жизни когда мой сверстник видел Ленина. В первый раз его видели посетители [illegible] Таврического дворца и смотя хорошо этого зала, во второй раз и слушал его на расстоянии восемьдесят шагов.

После жаркого июльского дня была осень и зима, и еще зимы, и была инсерсия, черная, траурная ночь. Крепчайший мороз, пар и снег, сосульки на бородах стариков в бесконечная движущаяся черная колонна. Голова колонны медленно вплывала в открытые настежь двери Дома союзов, а хвост не имел конца. И в центре колонного зала лежал Ленин, и морозное дыхание оточенных многих тысяч людей висло над его удивительным, незабывемым в теперь уже смертельно-желтым лбом.

В тот июльский день мы уплыли из Кремля в десятом часу московских белых сумерек. Мы шли трое: Л. М. Рейснер и Мухердзиа и автор записок. И скоро, слишком скоро, мы пришли в Малый Знаменский переулок. Мухердзиа рассказывал о своей юности, о тропических островах, о каймарах и змеях, как каймары, растения и подгом плавали по тропической или экваториальной реке. Это был необыкновенный рассказ о битвах со змеями и четвероногими и двуногими хищниками в белых тропических шлемах.

Осенью 1922 года, золотой осенью, мы стояли, мой сверстник и Велеша Казаков, у Каменного моста и смотрели на кремлевские башни и дворец. Только что расстались узы времени, и мы увидели один июльский день 1920 года. Прошло двенадцать лет с того дня, как Ленин говорил о колониальной политике. До сих пор «настроенная джингоистски и шовинистически рабочая партия аристократии Англии и Америки представляет собой величайшую опасность для социализма». И хотя многое переменилось за десять лет и до сих пор не изобретен «синсерометр», о котором говорил Ленин: «Это новое французское слово, обозначающее инструмент для измерения искренности, подобного инструмента еще не изобрели», но и без синсерометра многое определилось за эти годы, и некоторые из тех, о которых говорил Ленин в кремлевском зале, определили свое направление и ушли далеко в сторону от советской революции и Коммуистического интернационала.

На Большом Каменном мосту стояли двое серчинавшихся из-за горного хребта Гиндукуш, на краях которые отделяли от советской земли мусульманский кривым ятаганом. За спиной у них делали, множились, росли вывески Полевых с синевами и без сыновей. Но розовый пятнистый голос истории позвал им: «Отступление кончено!» «Перестаньте умножить, рассуждать о земле, стихи пусть себе поэты пишут, на то они и поэты».

«Отступление кончилось, дело теперь в перестраивании зла» И тысячи, и тысячи услышали этот голос и понял смысл этих слов. И потому боевой товарищ, [illegible] смотрел вперед на решений над Кремлем [illegible] и говорил себе:

— Вовсю я [illegible]?

— Вовсю я [illegible]

— И не [illegible]?

— Не страшно.

* Печатается в журнале «Красная новь».

СРЕДИ КНИГ

Боковой дорогой

В романе «Непокорный» *, вышедшем вслед за «Пятой любовью», Михаил Карпов попытался дать художественную биографию деревенского подростка, вырастающего из забияки в борца-передового комсомольца. Замысел писателя, таким образом, совпал с задачей, выдвинутой сейчас перед советской литературой, с задачей создания положительного образа эпохи.

Становление сознания героя—Стеньки Северцева—связано с гражданской войной и затем с эпохой мирного строительства. Стенька еще только садился на школьную скамью (в буквальном смысле этого слова), когда республику хлестал ураган интервенции и сжимали тиски военной блокады. Фронтовая полоса переместилась в глубь страны. Интервенты наступали. Отсчеты белых и красных сменяли на некоторое время Вязовку — деревеньку, где жил герой,— плацдармом военных действий. Обстоятельства сближали Стеньку с большевиками. Родственники его уши к красным, сохраняя ненависть и непримиримость к кулакам своей деревни, а он, мечтающий о подвигах волжского бунтаря Степана Разина, стал выполнять роль большевистского разведчика.

В благоприятной обстановке живых событий начиналось рождение нового человека, формирование мировоззрения классово непокорного борца. Казалось бы, что этот период послужит для писателя трамплином, отскакившись от которого он покажет дальнейший рост сознания, становление большевика-коммуниста. Однако Карпов поступил иначе. Лишь в первые дни после окончания войны Стенька старается «развернуться» в деревне как культурник. Его известная мечта — достать «фисгармонью» и стать вожаком молодежи. Но в скором времени Стенька становится на путь обычного деревенского парня, у которого от восемнадцати лет сидушка по жидушкам перекатывается и вместо крови «самогонка» пульсирует. Стенька все свободное время отдает пьянкам, гуляньям, дракам и дебошам. «Прелесть» деревенской жизни, которую Энгельс метко окрестил «идиотизмом»,— такова содержание образа Стеньки.

Этот период в жизни героя — целиком отрицательный, и совершенно понятно, для чего автор взял его как диаметрально противоположный первому. Ведь он заставляет усомниться в воспитательной силе времени гражданской войны, он вызывает закономерный вопрос: какие побуждения двигали Стеньку против белых? Было ли это проявление сознательной ненависти к контрреволюции или это явилось следствием раздумий о Степане Разине, любви к вольным тревогам, романтике войны-игры? Не является ли ответом на этот вопрос следующее место книги:

«...Казалось Стеньке, что он едет в ватагой удалых ребят в тыл противникам, вот сейчас натрясет со своим отрядом, крикнет «ура!» да и сабли. Белые, как стадо овец, напуганные собакой, побегут, и Стенька заберет их пушки и пулеметы. А захмистр Драгунов поднимет руки и скажет: «Сдаюсь... Я же говорил, что из тебя, Степан Тимофеевич, вырастет атаман».

Почему Стенька так легко сдал свои позиции «непокорного», подрастя и став более сознательным?

Ответ на этот вопрос дает третья и заключительная часть книги, где показан новый пол'ем герой, его «второе рождение», но уже, как кажется автору, на высшей основе. Автор пытается осуществить в «Непокорном» принцип диалектической триады: «твердый закал»—«распутье»—антитезис и «смерть-рождение» — синтез. Но стоит хотя бы бегло взглянуть на эту триаду, особенно на «синтез», чтобы понять: это только вспуганная игра в «диалектику».

Каково новое качество, получившееся в результате «скачка»?

Стенька с новой силой берется за культурно-просветительную работу (преимущественно антирелигиозную), организует артель «Перетевник», руководит комсомолом. За это время он успел побывать на курсах, укрепил связь с братом, оказывающим на него идеологическое воздействие. По мировоззрению он, однако, не поднимается на такую высоту, которая позволила бы ему теоретически осмыслить данный этап революции в деревне и хорошо разобраться в политике партии.

Желая подчеркнуть геройство Стеньки, Карпов пошел по пути некритического усвоения сущности героя, создаваемого буржуазной литературой. Для нас герой вовсе не тот, кто стоит над коллективом, в центре внимания ставит свое «я». Писателю достигнуть этого не удалось. Герой его находится в частичном, а иногда довольно значительном противоречии с основной массой деревни и даже с партийной организацией. По отношению к последней Стенька выступает типичным анархистом, не понимающим, «что обеспечение руководства партии есть самое главное и самое важное во всей работе комсомола» (Сталин).

Совершенно неудовлетворительно показано влияние города на деревню. Город, рисующийся отрывочно, через искаженное восприятие Стеньки, не является типичным для правильного показа взаимоотношений рабочего класса и крестьянства при диктатуре пролетариата.

Писатель старается отразить действительность с наибольшей полнотой и объективностью. Но невенная установка на «бесстрастное отношение» приводит к явному искажению жизни деревни в первые годы революции.

Действительность того времени была гораздо сложнее, чем это кажется автору. Борьба противоречивых тенденций — социалистической и капиталистической, организованное воздействие партии, класса на ход общественной жизни партии все больше и больше выдвигали социалистическую политическую положность как ведущую. Революция, правда с большими трудностями, шла к концу, к полному своему завершению. Вместе с нею, преодолевая всяческие барьеры, шло и поколение, рожденное Октябрем. По этому пути должен был итти и Стенька.

«Непокорный» же пошел боковой дорогой.

ИВ. КОЗЛОВ.

* Мих. Карпов, «Непокорный», роман, ГИХЛ. Поэтики пролетарско-колхозной литературы, 1931, стр. 282.

Неуверенными мазками

Страна должна знать своих героев. Чтобы выполнить эту задачу — писатели должны хорошо знать политику партии, должны повернуться лицом к конкретной действительности, изучать практику социалистического строительства, борьбу за социализм передовых людей рабочего класса.

Так говорят в своих декларативных заявлениях и так действуют в конкретной художественной практике молодые очеркисты — авторы сборника «Наша жизнь» *. Актуальная тематика пронизывает книгу от начала до конца. Борьба за промфинплан, ликвидацию прорывов, соцсоревнование и ударничество, рабочее изобретательство — вот комплекс вопросов, который разрешают авторы сборника.

Но организуя читателя, направляя его в сторону принятия новых социалистических форм бытия, авторы еще не находят нужных изобразительных средств для полноценного выражения идей. Здесь мы имеем определенный разрыв, можжаны, между идейными запросами писателей и их творческими возможностями. Несмотря на то, что авторы сборника печатаются не впервые, в их произведениях повторяются ошибки, свойственные большинству начинающих писателей: неумение полностью овладеть художественным материалом, заимный реализм, обезличка жевых обоилов, схематизм, бедность изобразительных средств и т. д.

Показателен в этом отношении очерк Афрамеева «Слезные дни». Герои очерка — молодежная производственная коммуна, преодолевающая трудности организации этой новой социалистической формы труда, дающая в результате высокие качественные и количественные показатели работы, построенной на основе широкого соцсоревнования и ударничества. Тема — большая, нужная, интересная. «Делают» эту тему живые люди, герои пятилетки. Но как разных живых героев и нет в очерке Афрамеева. Рассматривая каждый образ как частицу общественного целого, подчеркивая его классовое начало, писатель не раскрывает этот образ во всем многообразии его индивидуальных особенностей. Обезличка скрывает от читателя типические особенности образа, превращает его в схему. Произведя перестановку любого из положительных персонажей очерка (Вагина, Дюженкова, Бедрина, Лилова), мы не нарушим хода повествования, не изменим соотношения отдельных частей очерка — перестановка будет совершенно незаметной.

Автор идет по пути внешней трактовки образов и фактов, не вдаваясь в углубленную оценку. Сложный процесс переделки человеческой психологии максимально упрощается (пример с Дроздовой). Афрамеев не изжил еще наивного реализма; он не умеет еще отличить нужного от ненужного, выделить художественно раскрывающую деталь.

Борьба за новые формы труда на фабрике — ударный комсомольский комплект — такова тема очерка Прокофьева — «Путь комплекта». Прокофьев повторяет ошибки Афрамеева. Внешняя трактовка явлений, схематизм, неумение овладевать художественным материалом — привели к тому, что чрезмерно злободневный социальный конфликт между комсомольцами-ударниками и отсталыми группами рабочих оказался сниженным и художественно выхолощенным. Показ отсталой массы, тормозящей внедрение новых форм труда, автор ограничивает внешним фиксированием угрожающих записок и ряда предательских поступков. Живых носителей отсталых и предательских настроений на фабрике мы не видим. Герои очерка даны уже в «готовом виде», по определенному шаблону «героев пятилетки». Более характерны и ярче индивидуализированы образы Власова-отца и Кати.

Работа автора над языковым оформлением очерка не отличается особенной тщательностью: допущен ряд небрежных, непродуманных формулировок. Например, в результате порабощения рабочего в условиях старой капиталистической действительности «живой человек превращался в огрубелые торопливые руки». Или «Катина вина сдерживал в себе (!) теплый напор крови», «Катя баловливо посмеялась»...

Энтузиастов-строителей показывают Басов и Мусатов в своих очерках «Ударник Грачков» и «Шахтеры». Внимательно и любовно очерчен образ рабочего, в первом случае токаря-слесаря, во втором — шахтера, органически связанного с производством, живущего его интересами, стремящегося дать наилучшие количественные и качественные показатели работы.

Актуальная тематика положена в основу очерка Турчиновича «Рационализатор». В несколько слащавых тонах трактуется смычка между русскими и немецкими рабочими в очерке Цаплинского «Контроль».

«Наша жизнь» учит социалистическому отношению к труду, отмечает препятствия, стоящие на пути социалистической стройки, зовет на борьбу за новые общественные формы бытия, за нового человека-строителя, за победу на хозяйственном фронте.

Недостатки очерков — болезни роста. Изучая практику социалистического строительства, авторы сборника в то же время должны расти как писатели, как художники. Показ стране героев — задача очень ответственная и большая.

Т. НИКОЛАЕВА

* «Наша жизнь», сборник. Кружок очеркистов «Кузницы», «Федерация», стр. 164, ц. 1 руб. 50 коп.

Мастер гротеска

Валье-Инклан, одна из крупнейших мастеров современной испанской прозы, связан всем своим творчеством с кругами дворянской интеллигенции, в области искусства тяготеющими к идеализации средневековых, феодальных пережитков. Валье-Инклан культивирует в своем творчестве фантастику и гротеск и не имеет себе равных в использовании музыкальных качеств родного языка.

Роман «Тирен Бандерас» * выходит из круга его обычных тем и является замаскированным памфлетом против режима банд. кон. диктатора Примо де-Риверы. Рисуя порядки кровавой диктатуры, установленной тираном Бандерасом, в экзотическом южноамериканском государстве, писатель имеет в виду современную Испанию и даже предугадывает революцию, которую, впрочем, он представляет себе довольно своеобразно.

В республике Санта-Фа, занятой на откуп иностранным капиталом (испаны-«чачунны») и изнемогающей под сапогом тирана, назревают революционные события. В городе — сильное брожение и среде студенчества и интеллигенции, в деревне крестьяне готовятся к выступлению. То там, то здесь вспыхивают восстания, беспощадно подавляемые войсками тирана. Тюрьмы переполнены. В результате вспыхивает революция, крестьяне врываются в город, войска переходят на их сторону, и тиран, оставленный всеми, погибает.

Писатель дает идеализированный образ вождя крестьянского восстания, помещика Фаломенo Кузнас. В фигурах самого тирана и испанского посла Темакарлеса художник дал злые карикатуры-портреты Примо де Риверы и короля Альфонса XIII. Здесь виден подлинный мастер гротеска. В романе не мало ярких сцен, но он все же отмечен расхолаживающей манерностью стиля и отсутствием революционного темперамента, который единственно может придать силу подобному сатирическому произведению. Предисловие Ф. Кельзина несмотря на пространность (29 стр.) и обилие производимых фактов, не помогает читателю уяснить социально-политическую базу творчества Валье-Инклана и конкретную картину классовых взаимоотношений, порождающих этот своеобразный памфлет.

Б. И.

* Перевод с испанского Ф. Кельзина, ГИХЛ, 1931, стр. 236, ц. 2 р. 35 к., тираж 5.000.

Повесть о персидской деревне

Современная персидская литература совершенно неизвестна большинству наших читателей. Между тем в литературной жизни Персии последних десятилетий произошли значительные сдвиги. Традиционная любовная лирика розы и соловья, прославляющая лапемерная пышность, мистическая мудрость — все то, что наполняло собой классическую поэзию, отступает на задний план. Растет проза, возникают новые литературные жанры — повесть и роман.

Все явственнее звучат в персидской литературе отчетливые социальные мотивы. Современные писатели берут для своего литературного творчества новый материал из жизни персидской деревни, городской нищеты, обличают тяжелые социальные язвы, подтачивающие организм страны. В повестях и романах появляется герой — бедняк-крестьянин, обнищавший ремесленник, бездомный сирота.

В повести Ходаяде «Крестьянская доля * (буквально: «Горькая судьба труженика») чрезвычайно ярко закрыта эта основная социальная тенденция новой персидской литературы. Автор в простой форме излагает печальную повесть о жизни бедняцкой крестьянской семьи, о ее злоключениях, о непрерывной цепи грабежей, насилий, издевательств, чинимых над персидским крестьянином деревенским старостой, сборщиком податей, солдатами, судьями, духовными «властителями», богатыми купцами, помещиками, ханами.

Но давая яркую картину персидской действительности, сопровождая ее убедительным анализом подлинной сущности всей политической, хозяйственной и социальной системы, автор ограничивается только констатацией фактов с горькой иронией по адресу сильных мира. Он не видит выхода и не делает единственно правильного вывода о неизбежности аграрной революции, как основы национальной революции в Персии. В этом — идеологический дефект повести.

БОР.

* Перевод с персидского В. Тардова, ГИХЛ. 1931, стр. 230, ц. 1 р. 50 к., тир. 5.000.

Без четких выводов

Даталлер — одна из заметных писательских фигур и группе так называемых «горящих писателей» английской рабочей литературы. Ни один из этих писателей не является пролетарским, хотя все они выходцы из рабочего класса. В пределах общей для них всех реформистской идеологии они занимают различные позиции: от лаисто социализма (Уэлш) до некоторой стихийной революционности, непоследовательной и лишенной теоретической основы (Хезлоп). Определяющим в позиции Даталлера является его намеренное аполитиризование политики, он считает достаточным «беспристрастный» показ материала; большинство его высказываний, выдержанных в духе ограниченного, мещанского, слюнтяйного гуманизма, показывают, насколько далек автор от революционной пролетарской идеологии.

Если же при всем «том книга Даталлера «Там, где смерть» * представляет интерес, то это следует отнести прежде всего за счет острого и удачно подобранного производственно-бытового материала. Впрочем, бывает и так, что объективистская установка автора изменяет ему и слышатся гневные протестующие нотки. В своей книге заметок и кратких очерков, поданных в виде дневника, автор приводит сотни фактов, почерпнутых из наблюдений и собственного опыта жизни в заурядном горняцком поселке, каких много. С этой стороны книга имеет несомненную документальную ценность. Тематический стержень книги — это шахта, работа под землей.

Тема катастрофы не сходит со страниц книги. Автор показывает свой материал своеобразно, он подвергает его перекрестной проверке, излагая то от первого лица (о собственном опыте), то приводя рассказы товарищей и подлинные документы (служебные записки, список рапортов в шахте и др.).

Вся книга, если исключить сомнительные философские упражнения автора, написана простым и живым языком.

ИР.

* Даталлер Роджер, «Там, где смерть», перевод с английск. С. Г. Займовского. М и Л. «Молодая гвардия», 1931, стр. 206, ц. 1 руб., тир. 5.300 экз.

Снята ли проблема гамлетизма?

Дискуссия о „Гамлете" в Комакадемии

Интересно начатый 5 июня в Комакадемии диспут о постановке «Гамлета» в театре им. Вахтангова, к сожалению, пока остался незаконченным. Второе собрание — 8 июня — не состоялось.

Основным докладчиком от театральной комиссии Института литературы и искусства на диспуте выступил т. Подольский. Прежде всего он указал на слабость марксистского анализа «Гамлета» (Луначарский, Пуганов, Фриче). Это, а также засилие идеалистического и эклектического подхода к «Гамлету», несомненно, затрудняло работу театра им. Вахтангова. Отсюда, по мнению докладчика, и большие недостатки в постановке.

Тов. Подольский подробно анализирует социально-экономическую и политическую обстановку XVI века в свете работ Маркса об Англии и приходит к выводу, что правильное разрешение «Гамлета», марксистское освещение его, может быть только таким:

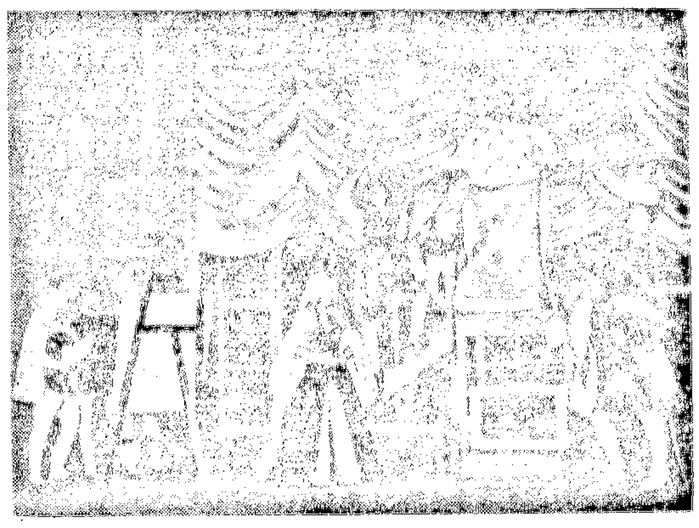
Гамлет все в себе все противоречия эпохи, он, подобно Бальзаку (в недавно опубликованной оценке Энгельса), объективно выражал прогрессивное начало и критически относился к современному ему обществу. Король Клавдий отображает стремления дворянства, вынужденного служить новому восходящему классу, затормозить ход истории, сохранить свои прежние привилегии. Наконец, Полоний и Лаэрт - это дворяне, становящиеся буржуа.

Театр Вахтангова вместо того чтобы раскрыть это глубокое содержание пьесы, показать XVII век в марксистском освещении, всячески стремился уйти от трудностей, затушевывая из «Гамлета» все «слежное». Поэтому «Гамлет» у Вахтангова принять нельзя. Но самую попытку новой трактовки «Гамлета» следует признать ценной, она показывает рост театра.

Первым в прениях выступил т. Аксиглобин, в основном повторивший положения своего доклада во Всероссийскомдраме и решительно возражавший против «эпигонизма» и «технологизма «Гамлета», исключающего трагедию социального одиночества человека, стоящего на грани двух эпох. Эти идеи представляют интерес и для нас, и их-то нужно донести до зрителя.

Тов. Рейх, солидаризируясь с т. Подольским, считает постановку Н. Акимова большим достижением театра, решающей попыткой нового толкования Шекспира. Однако целиком спектакля т. Рейх не принимает, видя его недостатки в творческом методе театра.

Из двух последующих выступлений (тт. Дайреджиева, к представителя театра им. Вахтангова Куза) заслуживает интереса лишь второе выступление. Тов. Куза подчеркивает, что театр и сам видит недостатки в постановке, что он отнюдь не считает свою попытку исчерпывающей новое толкование Шекспира. Но несомненна заслуга Акимова и театра, взорвавших тему о пессимистическом Шекспире, давших оптимистический спектакль и отказавшихся от чуждой нам готеанской трактовки «Гамлета».



Постановка „Гамлета" в театре им. Вахтангова

„Докладчик был прав"

Сжато и коротко построил свое заключительное слово т. Аксиглобин:

— Я согласен с Акимовым только в одном — Шекспир был великим драматургом.

Оппонентов, действительно, докладчику не нашлось. Наоборот, и на второй день дискуссии ни одного голоса в защиту трактовки т. Акимовым «Гамлета» не раздалось. В различных вариантах развивались осторожные положения докладчика.

— Проблема «гамлетизма» исчезла. Сюжет и конфликт пьесы сняты. Получилась мнимая революционность постановки, технические фокусы. Вместо утлубленного разоблачения образа «Гамлета» — затушенный «Гамлет», хроника на материале Шекспира, — такую оценку дал т. Оружейников.

Тов. Загорский утверждает, что между текстом и пьесой — глубокие противоречия. Акимов не понял культурного наследства прошлого, как не понял и философской идеологии эпохи, которая отражена Шекспиром в «Гамлете». На сцене «кривое зеркало», а не целый спектакль большого драматурга.

Отрицательную оценку дал постановке и т. Розовский. Акимов, по его мнению, сломал не только архитектонику и композицию «Гамлета» Шекспира, но извратил и самую идею пьесы. Мы допускаем случай, когда во имя действенной установки можно пойти на такую ломку. Но цель Акимова никакими средствами не оправдана.

Неисторичность, эклектизм творческого метода, формализм в постановочном плане т. Акимова отмечает и т. Усов.

Тов. Юзовский развил в своем выступлении положения, выдвинутые им в статье «П» от 5 июня.

Почти все выступающие на заключительном заседании отмечали отсутствие представителей театра и коллектива артистов. Чем это объяснить?

„Докладчик был прав"

Дюмель

Дюртен

Дюртен

Им. книгами

Гуманисты на службе у империализма

Господин Берль предлагает в одном из последних номеров французской реакционной газеты «Литературные новости» «открыть дебаты о гуманизме». Он откровенно раскрывает свои карты. Гуманизм он рассматривает как средство борьбы с революцией.

Торжественно заявляет Берль о том, что «дореволюционная идеология скомпрометировала себя». И приводит примеры: Барбюс, сблизившись коммунистом, исчезнется как писатель, «молодые люди, отвернувшиеся в поэзии на Ленина, впадают в плоское сектантство».

Гуманизм—тонкое замаскированное оружие империалистической политики, вот почему решение Берль считает необходимым прикрыть свое выступление радикальным жестом: «Нужна себе и реакционная идеология». Одна путь перед французскими литераторами и политиками — гуманизм. В период, когда политика французского империализма будут делать Эррио, Бонкур, Пенлеве, гуманистическая фраза, не замеченная, получит особенно широкое распространение. Это современная маска французского империализма.

Мировой кризис, обнаживший гниение капитализма привел лучших художников мелкой буржуазии к осознанию необходимости всеохода на сторону рабочего класса. Пример Ромена Роллана — для Франции и для всего капиталистического мира—огромного значения примера. И мы видим, с какой решительностью Ромен Роллан борется сейчас с гуманистическими иллюзиями, разоблачая их как оружие империалистической реакции. Гуманисты замаскировывают империализм. Гуманисты поддерживают шатающееся здание капитализма.

***

Имя Люк Дюртена, посетившего пять лет назад Советский союз, у нас известно, как имя гуманиста, здравствующего в эпоху «независимости» от буржуазной почти всех. Несмотря, что преобладает в книге этого литератора, в которой собраны впечатления поездки в Индо-Китай, Дюртен остается заядлым «гуманистом, ненавидящим всякое насилие, всякую сильную движения... благородство усилия... Разве небо не простирает своего величия над этим трудолюбивым народом?...» Французский Индо-Китай страну чудовищного колониального угнетения, гуманист Дюртен изображает, как счастливый край, возрождающийся под благотворным влиянием «белой цивилизации».

Дюртен изображает французский империализм, как великую возрождающую силу.

«В Азии идет борьба не между нациями, а между индустриальной цивилизацией и цивилизацией мистической, между пигмеями и реальными формами машин...» Гуманист выступает в роли пророка колониальной экспансии. Он призывает белых «цивилизаторов» к повышенной активности. «С одной стороны, Магомет, Брама, Будда. С другой—божество нашего знания—машина. Ожесточенная схватка, из которой душа человечества не выйдет невредимой» Гуманист распространяется о том, что Европа и Азия никогда не станут равными, что господство белой цивилизации «предопределено», что право свое на господство «белые должны защищать оружием и кровью». Ничто не отличает гуманиста от самого циничного империалистического политика.

Крайне интересны рассуждения Дюртена о «проблеме белых». Это—документы настоящего империалистического бешенства.

«Понимаешь ли ты, белая цивилизация, что ты переживаешь решительный момент?» спрашивает гуманист. И отвечает: «Познай самое себя. Где бы ты ни находился: священник, офицер, матрос—крабсцы всякого рода—мы все одна раса. Кожа, мускулы, нервы—одного строения. Высокий лоб, тяжелая волея, тонкие губы. Европеец. Белый». Гуманист Дюртен, отыскивающий, как парадокса». Гуманистическая книжка Дюртена—великолепный пример «белого» озверения.

Вот картина рабского труда на плантациях: «Труд человека в его обнаженности. Высшая красота. Всеохватывающая красота. Цвет кожи не имеет значения»... Далее, как подлинный рабовладелец, он рассуждает о «чудесной механике тела».

О грузчиках-кули Дюртен пишет так: «Он напоминает мне великолепную статую: рассчитанная поступь, гибкие сильные движения... благородство усилия... Разве небо не простирает своего величия над этим трудолюбивым народом?...» Французский Индо-Китай страну чудовищного колониального угнетения, гуманист Дюртен изображает, как счастливый край, возрождающийся под благотворным влиянием «белой цивилизации».

Дюртен изображает французский империализм, как великую возрождающую силу.

«В Азии идет борьба не между нациями, а между индустриальной цивилизацией и цивилизацией мистической, между пигмеями и реальными формами машин...» Гуманист выступает в роли пророка колониальной экспансии. Он призывает белых «цивилизаторов» к повышенной активности. «С одной стороны, Магомет, Брама, Будда. С другой—божество нашего знания—машина. Ожесточенная схватка, из которой душа человечества не выйдет невредимой» Гуманист распространяется о том, что Европа и Азия никогда не станут равными, что господство белой цивилизации «предопределено», что право свое на господство «белые должны защищать оружием и кровью». Ничто не отличает гуманиста от самого циничного империалистического политика.

Крайне интересны рассуждения Дюртена о «проблеме белых». Это—документы настоящего империалистического бешенства.

«Понимаешь ли ты, белая цивилизация, что ты переживаешь решительный момент?» спрашивает гуманист. И отвечает: «Познай самое себя. Где бы ты ни находился: священник, офицер, матрос—крабсцы всякого рода—мы все одна раса. Кожа, мускулы, нервы—одного строения. Высокий лоб, тяжелая волея, тонкие губы. Европеец. Белый». Гуманист Дюртен, отыскивающий, как и другие знахари, средство спасти капитализм от надвигающейся гибели, видит выход в самой разнузданной проповеди насилия, проповеди белого каннибализма.

«Война и мир, капитал и труд, порядок и свобода, искусство и жизнь, машины и жизнь—все это белая жизнь. Белые. Одна порода. Одна ветвь».

Литература современной буржуазии дает много образцов «цивилизованного

Полностью поэзия Дюмеля совпадает с тем, что изрек недавно престарелый Бергсон в своих «Двух источниках религии и морали». Бергсон в качестве лекарства «человечеству, стонущему под бременем прогресса, созданного им самим», рекомендует опрощение и неотвлеченный образ жизни. «Человечество должно с таким же неистовством кинуться за упрощение своей жизни, с каким оно усложняло ее до сих пор».

Такова по Бергсону средство спастись от «механического поступления». Неомодра на вегетарианский вид своей философии Бергсона не является философией нетрадиционной. Это философия открытой диктатуры буржуазии, открытого наступления на рабочий класс, философия фашизма. Бергсон предвидит диктатуру «сильной руки». Спасение человечества, спасение цивилизации — в войне и фашизме.

«Возникнет мистический гений, он поведет за собой человечество, тело которого безмерно вынесло и душу которого он пересоздаст... Основатели и реформаторы религий, легендарные герои моральной жизни, мы последуем за вами, как армия за завоевателями. Вы—подлинные победители».

Эта философия фашистского наступления имеет непосредственное отношение к последним литературным выступлениям Дюмеля. В книге об Америке и в «Сердечной географии Европы» (впечатления о Голландии, Греции и Финляндии) Дюмель пренебрежительно к отношению, к бегству от техники, к бергсоновскому вегетарианству, ставя перед собой единственную цель спасти капитализм, найти магическое средство выхода из кризиса. С неменьшим, чем Дюртен, остервенением защищает этот гуманист капиталистическую цивилизацию. Он ставит вопрос о борьбе двух миров. Как и Берль, он кричит, что революция себя скомпрометировала, что коммунистическая революция не есть неизбежность для Франции, что надо «предотвратить» ее. Но на что другое Дюмель не употребляет слащавой гуманистической фразеологии, как на защиту империализма.

В предисловии к «Сердечной географии» читаем: «Я ненавижу предубеждения, фетишизм, историчность и весь зловредный арсенал «политического фанатизма»; кто поверит этой басне об «аполитичности» гуманистического политика!

Гуманист Дюмель верно служит империалистическому интересу. Я прошу его оценены за заслуги. В статье Анри Гуссе «Дюмель и обыкновенный гуманизм» высказаны интересные замечания.

Критик позитивистского «Всемирного обозрения» имел своей задачей показать полную политическую благонадежность гуманистического литератора. Начинает Руссо с ханжеской «хвалы» капитализму: «Капиталист накопляет не только материальные, но также моральные и художественные ценности. Капитал представляет памятники, библиотеки, книги, картины, музыкальные партитуры. Этот капитализм человека, как такового, представляет выражение интеллектуальных усилий закрепить в себе память гораздо, чем его поглотит бедная, которая называется забвением и смертью».

После этого патетического вступления Руссо переходит к доказательству того, что Дюмель стал верным защитником империализма. «Вы обрели вновь равновесие... Вы нашли, дорогой Дюмель, спокойную пристань после многих колебаний и ошибок... Пример ваш имеет огромную ценность»...

Руссо журит Дюмеля за старые заблуждения — за «метафизическую лирику книг о войне», за «безрассудность, насыщенность сальзиковского гуманизма»...

Все это он с радостью готов забыть. Он приветствует Дюмеля в лагере империализма... «Теперь вы, дорогой Дюмель, заняли позицию противника международного социализма».

Лишним критика ни с чем не сравним. Он говорит, как барышник, он соблазняется с гуманистом, как будто бы он купил его. «К счастью, вы не горды. Дюмель, вяче самолюбие наградило в нужную сторону. Вам свойственно смешение ученого. Это вас и спасло. Это дало вашей мысли верное направление»... Трудно представить себе более беспощадное разоблачение гуманизма, чем этот империалистический панегирик Дюмелю, изложенный Руссо. «Если наши заблуждения будут еще более угрожающими, если наше положение будет безысходным, вы останетесь на своем посту, дорогой Дюмель, все кризисы цивилизации порождали тревогу умов, как ваш, порождали личности, как Петровий или де Линь».

Гуманист Дюмель, знахарь и лекарь умирающего капитализма, проповедник борьбы с революцией, входит в круг литераторов французского империализма. Его приветствуют как достойного собрата.

***

Капиталистический мир ищет выхода из кризиса в новой войне, в войне против Советского союза. Гуманистическая ложь используется, как прикрытие подготовки к войне. Гуманистическую маску надевают самые наглые шакалы империализма.

Недавно маршал Петэн был принят во французскую академию, и он, и приветствовавший его Валери говорили о... мире и гуманизме.

Пенлеве, теперь, министр авиации в кабинете Эррио, имеет славу чистейшего гуманиста. Незадолго Жан Перрен воспел «хвалу» Пенлеве, перечислив все интернационалистические добродетели этого «гения национальной обороны». Перрен выражает восхищение примером ученого, ставшего политиком. Он призывает следовать пути Пенлеве, который, как мы знаем, не предупредил мировой войны».

В дальнейшем гуманист показывает полную неизбежность войны: война вечна, она восходит к «фундаментальному инстинкту человечества». По этого мало—над европейской цивилизацией нависла угроза «антимонгольщина со стороны Советского союза с его филиалом, носящим название Третий Интернационал». Вот образчик гуманистической клеветы. Гуманист Матер пришивает к войне против Советского союза, прикрываясь наглой гуманистической ложью: «Будем надеяться, что страх перед войной, более сильный, чем ненависть к войне, будет поддержкой мира, который мы все так страстно и единодушно охраняем».

Гастон Риу, которого Роллан разоблачил в своей превосходной статье, выступает как апостол мира, пацифистский проповедник, взывает международной солидарности. Какова цель выступлений этого апостола пацифизма? Как и Дюртен, он охаивает «белым вступлением»—«белая цивилизация имеет историческое право на первенство, старшинство, гегемонию». Как и Бергсон, он провозглашает необходимость фашистской диктатуры—«способны ли мы к Европе на общий акт воли?» Гуманист Риу призывает к защите «белой цивилизации» от «большевистского варварства», от «империализма Ленина». Гуманист Риу призывает к новой войне, к интервенции против Советского союза.

Дюмель, Дюртен, Берль делают то же, что делают Пенлеве, Риу, поддерживает Матер. Они стали полицаями французского империализма. Прикрываясь пацифистской фразой, «незаинтересованностью» от буржуазной политики, они оправдывают новую войну, защищают империализм, ведут борьбу с пролетарской революцией. Гуманистические литераторы служат империализму.

Разоблачение гуманизма—актуальнейшая задача. Неразрывно на стороне рабочего класса мелкобуржуазные интеллигенты Запада разрывают с гуманистическими иллюзиями. Достойная восхищения работа которую ведет сейчас во Франции Ромен Роллан отличающийся нашим союзником, направляя прежде всего в сторону беспощадной критики гуманизма. Роллан сам страдает гуманистическими иллюзиями, подвергает критике свое прошлое и чувствует маску гуманистов, лицемерящих тоже дисгармонию. Тысяч, напрасно, но верный шагает прежде Гастона Риу.

Годовые итоги драматургии

На 2 пленуме ЦК Рабис

Второй пленум ЦК Рабис, открывшийся 5 июня в клубе театральных работников, был посвящен вопросам перестройки работы союза в соответствии с задачами, вытекающими из новой хозяйственной обстановки.

Пленум открывал докладом т. Боярского о новых задачах союза Рабис.

Постановление ЦК партии от 23 апреля, — говорит докладчик, — ясно указывает, что профессиональный союз творческих работников должен заниматься творческими вопросами и, в соответствии с этим, применять в своей практике лозунг «лицом к производству».

Во всей широте стоят перед союзом задачи организации труда, регулирования зарплаты, материально-бытового обслуживания, создания таких условий, которые способствовали бы наиболее успешной творческой работе членов союза.

▼

С докладом об итогах театрального сезона 1931—32 года выступил т. Литовский. Докладчик констатирует, что постановки, «сделанные заново» в истекшем сезоне, свидетельствуют о расширении драматургической тематики и повышении идейно-художественного уровня самого спектакля. Дифференциация интеллигенции, ее решительный поворот к революции под влиянием успехов социалистического строительства («Страх» Афиногенова), укрепление обороноспособности страны («14-я дивизия» Д. Цедного, «Разбег» В. Ставского, «Неизвестные солдаты» Первомайского), революционная борьба на Западе («Улица радости» — Зархи), — вот основные драматургические темы этого сезона, темы, обнаруживающие несомненный идейный рост драматургии.

Докладчик отмечает далее, что чрезвычайно положительным явлением истекшего сезона надо считать появление в драматургии новых имен.

Репертуар этого года обогатился забытыми в последнее время жанрами мелодрамы («Улица радости») и балаганного спектакля («14-я дивизия»).

По линии художественного оформления спектакля характерным является кризис конструктивизма. Отрочный успех сценического оформления «Пеховитянки», «Отелло» (Большой театр), «Гамлета» (театр им. Вахтангова) говорит о преимуществах этой формы художественного оформления.

Далее т. Литовский переходит к вопросу отбора и трактовки постановки классических произведений. В критическом освоении культурного наследства надо избегать увлечения экспериментаторством — порядка экземпляра «Гамлета» — и не впадать в идиотические диккенсовские позиции («Униженные и оскорбленные»).

Наряду с высококачественными спектаклями в нынешнем сезоне имели место не только серые, бесцветные постановки, но и постановки, свидетельствующие об определенных идеологических срывах отдельных художников («Патетическая соната» Кулиша, «Мажестраль» Ю. Пискулина). Это в большой мере объясняется недостатком идейно-воспитательной работы с драматургами, работы методами голого администрирования, жонглирования творческими формулами, словом, методами работы, распространенными в литорганизациях и в особенности в РАПП.

Советский театр должен всемерно стремиться к дальнейшему расширению тематики, ибо при правильной трактовке не существует запретных тем. Повышению качества работы драматурга и театра необходимо дальнейшее творческое размежевание театра, усиление экспериментальной работы, стремления к разнообразию жанров, к развитию советской сатиры и созданию веселой советской комедии.

Постановление ЦК партии от 23 апреля, уничтожившее узкие рамки литорганизации, обеспечивающее необходимые условия для усиленной творческой работы, ставит перед всеми работниками театра ответственнейшие задачи повышения идейно-художественного качества продукции.

Юбилей „Крокодила“

Юбилейный вечер журнала «Крокодил» 1 июня в клубе железнодорожников им. Бухмистрова носил торжественный характер. Большой зал клуба, вмещающий 3.000 чел., к началу вечера заполняется до предельной возможности. Официальную часть вечера открывает т. Бельский. С отчетным докладом выступает отв. редактор журнала т. М. Манульский.

Докладчик говорит о пути «Крокодила», о роли его в расширении работы в кружках на предприятиях (подготовка кадров сатириков и художников-карикатуристов), перечисляет ряд своих бумажных фабрик, над текстильной фабрикой «Трехгорка». В последнее время «Крокодил» развернул работу на фронте театра и кино. Отныне связь журнала с фабрично-заводскими многотиражками далеко недостаточна. Укрепление этой связи — одна из основных задач массовой работы журнала.

Журнал приветствовали представители фабрично-заводских организаций — т. Казов (завод «Электросталь»), т. Казаков (полиграфия журнала фабрики «Сокол»), Рудольф Кон («Межрабпом»). Лекция передвижного театра «Крокодил». Делегация «Трехгорки» в своем приветствии объявила «Крокодил» почетным чесальщиком ситценабивной фабрики.

На вечер явился в полном составе кружок пожарных «Багры». Это — первый сатирический кружок, организованный редакцией журнала десять лет назад.

С большой приветственной речью выступил т. Феликс Кон.

Вечер закончился концертом.

ЛАГЕ.

Старт был дан

Финиша не видно

По инициативе краснопресненского райкома ВКП(б) 1 апреля была начата сталинская литературная и театральная эстафета (эстафету второй пятилетки). 5 апреля в Камерном театре был дан старт. Писатели — начальники маршрутов — дали ряд обязательств.

Прошло свыше двух месяцев. Казалось бы, что постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций должно было содействовать проведению сталинской эстафеты.

К сожалению, абсолютное большинство начальников маршрутов не обеспечило организационно-оперативного руководства. Писатели — начальники маршрутов ограничились в директивах краснопресненского райкома ВКП(б) о проведении эстафеты) формально. Они не спустились на предприятия, не включились в проведение эстафеты на заводах (Авиаприбор, завод «ГАЗ», № 1 и др.). Не был обеспечен даже созыв совещания начальников рейсов для обсуждения плана эстафеты. Горком писателей по-настоящему не включился в проведение эстафеты, не провел инициативы в этом важнейшем начинании.

В ближайшее время на заседании секретариата краснопресненского райкома ВКП(б) будет обсуждаться вопрос о проведении эстафеты. Состав начальников маршрутов, повидимому, будет пересмотрен.

Оргкомитет союза писателей РСФСР должен оказать проведению сталинской эстафеты содействие. Идею сталинской эстафеты надо довести до широкой пролетарской общественности, надо помочь проведению эстафеты на заводах и фабриках. Горком писателей должен обеспечить контроль и проверку работы писателей—начальников маршрутов и организовать бригады содействия.

КР.

Над чем работает писатель

■ Вс. Вишневский окончил пьесу «На западе — бой», которая пойдет в октябрьские дни в театре Революции. Писатель приступает по заданию НКО и ЦИУ к работе над новой пьесой «Командиры РККА». Закончена, сдана в ГИХЛ и выйдет в начале 1933 года эпопея «Война».

■ М. Даниэль (автор пьесы «Юпиус»), пишет для московского Камерного театра трехактную трагикомедию «Шиллер и хлеб» (название условное). Пьеса будет закончена в августе.

■ В. Шкловский закончил большую теоретическую работу (20 печ. листов) по истории русской литературы XVIII века и по вопросам теории литературного языка на историческом материале. Книга выйдет в Издательстве писателей в Ленинграде.

■ А. Зарос работает над вторым томом «Профиля» (10—12 печ. листов). В книгу входят характеристики восемнадцати художников-реалистов от Врубеля, Репина, Серова, Кончаловского, Петрова-Водкина, Рабиновича до молодых художников, выдвинувшихся в последние годы: скульпторов Сарры Лебедевой, Франкетти, художников Куприянова, Тышлер, Дейнека и др. Работа будет закончена к декабрю и выйдет в издательстве «Федерация».

■ Э. Мадарас заканчивает повесть «Предательство» (о социал-демократии Венгрии). Писатель работает над повестью о подпольной работе венгерской компартии и пишет сценарий для Межрабпомфильма, в основу которого будет положен недавно вышедший в ГИХЛ рассказ Э. Мадараса «Фортунати нашел своих сыновей». Начал работу над поэмой «О Грозном победоносном» (грозненская нефть).

■ Александр Чачиков выпускает в изд-ве «Московское товарищество писателей» книгу переводов национальных поэтов СССР — «Семь республик». Подготовил сборник рассказов из жизни моряков.

■ С. Фомин закончил четвертую книгу стихов «Хрустальная» (поэма). Материалом послужила история одного стекольного завода, на котором работал автор. Подготовил книгу лирических стихов «Кошница».

■ Бела Иллеш закончил третью книгу романа «Тисса горит». Сейчас Иллеш работает над книгой антивоенных рассказов «Война и война».

■ Н. Тихонов заключил с журналом «ЛОКАФ» договор на роман о советском Туркменистане. Осенью писатель выедет в Туркмению за сбором материалов. Роман будет написан к весне 1933 года.

■ К. Большаков к концу 1932 года предполагает закончить и сдать в изд-во «Федерация» роман «Маршал 105 дня» (12 печ. листов). Для серии «Биография великих людей», редактируемой М. Горьким, писатель пишет биографию М. Лермонтова.

■ И. Жига работает над новой книгой очерков о партийно-массовой работе на шахтах Донбасса «Партийная школа» (6 печ. листов). Книга будет окончена в августе 1932 года.

Письмо в редакцию

Издательством Уцитерра (Ленинград, 1932 г.) выпущен сборник «Литература народов СССР», в который включены некоторые рассказы татарских писателей из «Альманаха татарской литературы» (Московский рабочий, 1929 г.). Наряду с моим переводом рассказа Аскара Тагирова «Когда кончится война», где изменено просто отчество моя фамилия как переводчика, в другом переиначиванием из того же альманаха рассказе Шихаретдинова «Под отцовским крылом» моя фамилия переиначена в прописная мне, тогда как он сделан т. Фуздом Салихом, что и значится в альманахе.

Никакого участия в составлении сборника «Литература народов СССР» я не принимал, ушел как и никаких расчетов с нашим не имел, а потому всякую ответственность за допущенные ошибки отношу за его счет.

Г. ШАРИПОВА

Спектакль острого политического звучания

„Рабан“ в театре МОСПС

Борьба продолжается. Борьба продолжается и за решетками тюрьмы. Рабан — одна из ее форм. Когда Леон Фрейлих погиб от пули Кощюха, бригадира дефензивы, политзаключенные в знак протеста об'явили рабан *.

Глухо раздаются удары скалки о железную дверь. С каждой секундой шум, грохот увеличиваются. К тюрьме стекаются рабочие массы. Начальник тюрьмы сдает. Он готов уже удовлетворить войсковые требования. Но... пан Кандальский, фашист и дефензивщик, требует две роты 37-го стрелкового.

Никаких компромиссов, никаких уступок! Борьба продолжается!—Так кончается пьеса «Рабан» польского драматурга Витольда Бандурского.

Безработица, полуколониальный режим на фабриках, революционное подполье, охранка, провокация как система,—таково содержание пьесы. Связывающим звеном является тема Леона Фрейлиха, рабочего, коммуниста, в прошлом легионера, сторонника Пилсудского.

Из мысли автора о образе Леона Фрейлиха должен был воплотиться тип польского пролетария, который через сомнения, колебания, через бесплодные попытки «правдо-справедливости», через культ поклонения «сильному человеку» приходит к революции, становится активным борцом за дело пролетариата. Леон Фрейлих—честный пролетарий. В борьбе он не знает компромиссов. Личные качества Леона делают его популярным среди рабочих масс и опасным противником дефензивы. Но прошлое Леона, истравленное на сознания, как тень, ему сопутствует. Это прошлое используется дефензивой, и тонкой провокацией Леон изолируется от партии. Леон-одиночка. Леон с таким положением не стирается окраске. На истории Леона автор раскрывает методы борьбы охранки с революцией, показывает целую галлерею дефензивщиков, от пана Кандальского до Кощюха, бригадира агентов.

Параллельно теме Леона развивается тема рабочего Бучека. Если Леона дефензива жестоко обезвреживала, то Бучека она превратила в предателя.

Перед автором в раскрытии образа Леона было два пути: либо показать Леона в постепенном развитии через все этапы его политического созревания, либо, как это сделано в пьесе, только слепить замечательную фигуру польского фашиста. Она ярко запоминается, характерна. В ней обобщены черты иезуита, европейского провокатора и царского жандарма. Усмешка в углах тонких губ, мягкость жеста, четкость диалога, даже грим и парик,—все это передает подлинную сущность этого опасного врага. Сцены в дефензиве наиболее яркие в спектакле, и в конце. В этих сценах заплетена сильнейшая сюжетная интрига, которая, постоянно сжимаясь, в заключительной сцене распрямляется в пафосе борьбы.

Последние два акта пьесы, наиболее динамичные, насыщенные драматизмом революционной борьбы, захватывают зрительный зал и приковывают его внимание к судьбе Леона Бучека. Начиная, ко всем тем, кто противостоит лагерю пана Клебеля. В этих сценах сказывается и политический темперамент автора, и знание описываемых явлений, и яркость драматургической характеристики.

Но высокая оценка последних двух актов никак не распространяется на первые эпизоды. В них отсутствует действие, много риторики, слишком ощутителен язык газетных передовиц. В этих сценах автор пытается вызвать у зрителя жалость к работнице Буйницкой, ее ребенку, презрение к шкуре-мастеру, жестокому директору.

В этих сценах позабыто о законах сценического выражения, о художественной полноценности и потенциальности образа. Автор пытается вызвать реакцию зрительного зала жалостью и слезливостью. Здесь же нужна не слезливость, а сухость глаз.

Пьеса начинается только тогда, когда в ней появляются сценичность, подлинная эмоциональность, когда глаза остаются сухими, в сердце накапливается независимость к пану Кандальскому и его опричнике, когда в действии, в борьбе сталкиваются классовые силы.

Таковы в основном недостатки и положительные свойства пьесы «Рабан».

Как же разрешил постановку этой пьесы театр МОСПС? Постановщик Е. О. Любимов-Ланской пошел по линии текстового сокращения пьесы. Но эту работу он не закончил, так как сколько бы он ни сокращал первый акт, органический недостаток первой половины пьесы (отмеченный выше) не устранялся. Спектакль начинает жить со второго акта, с того момента, когда риторика и статичность уступают место драматизму и динамике. Спектакль, как и пьеса, состоит из двух частей. Это противоречие в спектакле могло быть в значительной степени сглажено, если бы метод театра был бы более четким, целостным. В свою очередь это приводит к тому, что спектакль не представляет собой единства,—в нем ощущается и грубый натурализм (сцены в фабричной уборной) и гротеск (фигуры шинков) и некоторая стилизованная конфетность (квартира Клебеля).

Точно так же не одинаковы приемы актерской игры. Игра Зубова (Кандальский), Комиссарова (Цивцыра), Ванина (Бучек) исходит из различных приемов актерского искусства. Известную разнопестрость в спектакль вносит и оформление спектакля (художники бр. Стенберг).

В чем же дело? Почему нет стилевого единства, четкой линии в спектакле? Театр им. МОСПС, имеющий большой опыт и ряд достижений в работе над советской тематикой, с советскими авторами (не надо забывать, что этот театр первый пошел на смычку с массовой рабочей аудиторией), до сих пор не выработал своего собственного художественного метода. Театр широко использует общие достижения советского театра, но он мало работает над выработкой своего собственного индивидуального лица. Мы не видим единства в творческих установках театра. Отсюда и получаются стилевые противоречия спектакля, разнообразность приемов актерской игры. Если театр хочет не только посмеять за темой, но и предельно глубоко, поэтично, качественно высоко не раскрыть, передать средствами сценического воплощения, он должен усилить свою лабораторную работу.

Если мы говорим: задача искусства и в частности театра—правдиво отображать действительность, то это должно быть сделано в высокой в качественном отношении форме в ярких красках, свежо, мастерски. Это требование ни в каком случае не предполагает никакой стилевой обезлички, серости, однообразия.

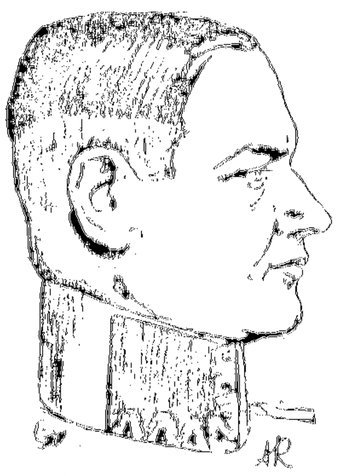
Нет, правдивое, верное отображение нашей действительности может и должно быть дано в многообразии художественных форм и приемов.

«Рабан» — политически острый, яркий спектакль в репертуаре театра МОСПС. К сожалению, ряд драматургических и режиссерских недостатков в спектакле несколько обесценивали полноценность впечатления.

В. ОЛЬГИН

Леон — арт. Кремов

Рис. А. Костомолоцкого



Кандальский — арт. Зубов

на последнем этапе. Но как в первом, так и во втором случае образ Леона должен быть полнокровным, осязаемым. Всякий схематизм, риторизм губят, не только самый образ, но и в значительной степени обескровливают, схематизируют всю пьесу.

К сожалению, автор не сумел преодолеть этот недостаток. Леон слишком много говорит, слишком риторичен, сух и схематичен. В этом вина не одного только автора, но исполнителя. «Проекционность» образа Леона значительно обесценивает и другие персонажи рабочих.

Все же ряд фигур рабочих удался автору. Полнокровные, конкретные образы Леона обуча рабочего Бучека. Сюда же можно отнести Цивцыру и его жену. Но в нашем ряду фигур рабочих мы не найдем особо ярких красок.

Ярче удалось Вандурскому обрисовать дефензивщиков, в частности фигуру пана Кандальского, комиссара дефензивы.

Авторский материал поводил исполнителю роли Кандальского, арт. Зубову.

* Восстание в тюрьме.

Десятилетие „Молодой Гвардии“

Через месяц исполняется десятилетие журнала «Молодая гвардия». В ближайшем времени предполагается выход специального юбилейного номера журнала.

Ориентировочно намечено содержание номера: стихи Безыменского, Асеева, Багрицкого, Кирсанова, рассказы А. Караваевой, Матэ Залка, Копосова.

Массовый сектор журнала намечает провести в дни юбилея ряд вечеров в Москве, Ленинграде и Свердловске.

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ (ЛИБП)

(Из условий приема).

В Институт красной профессуры литературы, искусства и большевистской печати принимаются члены ВКП(б) преимущественно рабочие, обладающие основательной теоретической подготовкой не ниже комвуза и общеобразовательной подготовкой не ниже рабфака, имеющие опыт практической, партийной, советской, профессиональной, хозяйственной работы.

Партстаж для поступающих в ИКП ЛИБП устанавливается для рабочих не менее 6 лет, для служащих—8 лет.

В состав слушателей зачисляются товарищи не старше 35 лет.

Срок обучения—3 года.

В осенний набор 1932 года прием будет произведен на следующие отделения: литературно-критическое, творческое, большевистской печати и искусствоведческое.

Проверка знаний тт. поступающих в ИКП, проходится в проверочных семинарах по теоретической экономике, философии и специальному предмету, после чего все тт. по этим же дисциплинам подвергаются устным испытаниям коллоквиумам. В процессе прохождения семинара обязательно представление письменной работы на тему, связанную с той специальностью, которую избирает поступающий.

Слушатели обеспечиваются общежитием и стипендией в размере от 300 до 500 рублей в зависимости от семейного положения. Семьи общежитием не обеспечиваются.

Для приема необходимо представить следующие документы:

а) заявление в приеме с указанием отделения, на которое предполагает поступить кандидат;

б) заполненную анкету, заверенную партийной организацией;

в) командировку крайкома, обкома ВКП(б) или ЦК национальности;

г) отзыв ячейки, справку о партийном стаже и о социальном происхождении и

д) документы об образовании.

Приемы заявлений производятся до 15 июня.

О решении мандатной комиссии и о сроках приемной конференции поступающие в институт извещаются своевременно по почте.

Допущенные мандатной комиссией тт. получают на два месяца отпуск для прохождения семинаров-конференций в Москве.

На время работы семинаров тт. предоставляются общежития.

Заявления с требуемыми документами присылать по адресу: Москва, Остоженка, д. 53, комн. 18.

Все справки можно получать ежедневно, кроме 6, 12, 19, 24, 30—с 10 до 4 ч. 30 м. в учебной части Института (телефон Г-1-00-53).

Директор ИКП ЛИБП

ВОЛИН.

Неудавшееся совещание

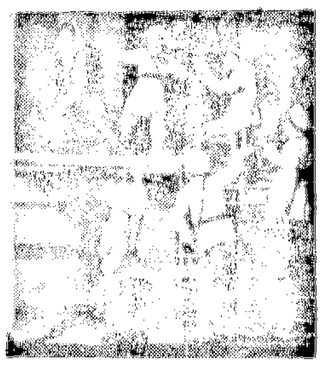
5 июня, в клубе писателей им. Горького состоялось производственное совещание актива, организованное Московским писателей совместно с ГИХЛ. С организационной стороны это совещание мало чем отличалось от предыдущих совещаний ГИХЛ. Началось оно с двухчасовым опозданием—докладчик т. Л. Левин и день доклада прислал в ГИХЛ телеграмму, в которой отказался делать доклад. А. Митрофанов, в спешном порядке заменивший Л. Левина, сделал весьма «авторитетный» доклад, в течение часа разбирая пятилетний книг. Подробно останавливаясь на книгах: «Запись» (А. Сурова), «На перекрестках» (А. Сухарева), «Поход» (С. Обрадовича), Митрофанов отделался буквально двумя словами оценку книг: Лежева («Встречи»), Бахрушина («Побеждение») и А. Жарова («Мне десять лет»).

Говоря о книге А. Мишина «Лицо профессии», т. Митрофанов отрицает контрреволюционность этого поэта и отмечает перегибы в статье А. Сурова в «Л. Г.», хотя «Лицо профессии» А. Мишина — книга порочная.

В прениях выступили тт. Сидов, Ушаш, Арк. Битковский, П. Орешин, Р. Казин, А. Мичох, А. Гидаш и Левин.

Л.

Хроника театра



Сцена ареста из постановки украинского Гостеа „Гирш Лекерт“

◆ Сегодня, 11 июня, в помещении ВХТ в валгиньоном гастроли первого Государственного еврейского театра Украины.

◆ Во второй половине сезона 1932—33 гг. в I Госдиспе будет поставлена поэтическая Дезьина Бедного «Волга, Волга, шить рубаха!». Режиссер—Сельвинский, художник—Стенберг.

Извещения

13 июня, в 18 ч. 30 м. в Доме пролетарской литературы (ул. Воровского, 50) созывается общемосковское совещание литкружковцев по вопросу о задачах литкружка и связи с постановлением ЦК партии о перестройке литературно-худ. Докладчик на оргкомитета.

13 июня, в 19 ч., по Всемосковскому (Тверской бул., 25, 3-й этаж)—творческий отчет т. Вс. Вишневского. Доклады тт. Ермилова и Амаглобели. Приглашаются представители театральных и литературных объединений.

18 июня, в 10 ч. утра, в клубе ЖКТ (Чистые пруды, 6) открывается конференция по второй пятилетке искусства.

Центральная бригада по пятилетке искусств просит принять участие в работах конференции представителей всех учреждений искусства, их профсоюзов и актива работников по различным видам искусства.

Порядок работ конференции:

1) Об основных установках пятилетки для искусств 1933—1937 гг.—докл. т. Ивас.

2) О новом варианте пятилетки в плане—докл. т. Рейнфельд.

3) О дальнейшей работе по составлению пятилетки плана как в центре, так и на местах.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверская 6., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны
Секретариат 1-10-61.
Отв. редактор 2-90-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11.
Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м.—1 р. 50 к.

РЕДАКТОР: Редколлегия
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 год
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КНИЖНЫЙ ФРОНТ
Орган Книготоргового об'единения государственных издательств.
Журнал широко информирует своих читателей о состоянии книготоргового и издательского дела в СССР и за границей.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—3 р., на 6 мес.—4 р. Цена отдельного номера 75 коп.
ПОДПИСКА принимается отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Книготоргового об'единения, почтой и письмоносцами

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ (ИЛИ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ) НА 2-е ПОЛУГОДИЕ С 1-го ИЮЛЯ 1932 ГОДА НА
ФОТОПЕЧАТЬ

«ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО».
Теоретико-методический и научно-технический журнал пролетарской фотографии, орган Осоавиахима и ОЗИКФ. Рассчитан на фотолюбителей, фотокоров, руководителей фотокружков (выходит раз в месяц). 12 м. — 8 р., 6 м. — 4 р., 3 м. — 2 р.

«ФОТОКОР».
Рупор-газета фотолюбительского движения, орган Осоавиахима и ОЗИКФ. Рассчитана на начинающих фотокоров, на фотобригады и фотокружки. Выходит каждые 10 дней. (12 м.—3 р. 60 к., 6 м. — 1 р. 80 к., 3 м. — 90 к.

«БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО».
Основные материалы для повышения общественно-политической квалификации фотокоров и фотолюбителей. (12 выпусков в год). 12 м. — 7 р., 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 75 к.

«БИБЛИОТЕКА ФОТОКОРА».
Освещают основы фотодела и дают справочный и инструктивный материал по всем вопросам фотокорровского движения (3 выпуска в месяц). 1 м. — 7 р., 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. 1 р. 75 к.

Подписку сдавайте только почтою не позже установленного на срок.
Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц. Тираж ограничен.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

Магазин № 42 МОГИЗА
ТЕАТРАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1. БЕРГЕР ЭРНСТ. ТЕХНИКА ФРЕСКИ И ТЕХНИКА СГРАФИТО. Техника стенных росписей и украшений. С предисл. проф. Чернышева. Изд. 11. Стр. 190. Цена 1 р. 75 к.
2. ГУШИН А. С. САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ИЗОПРОИЗВЕДЕНИЕ. Стр. 264. Иллюстр. 60. Цена 3 р.
3. 36 РАБОЧИХ КЛУБОВ МОСКВЫ. Архитектура клубного здания. Сборник статей под ред. Д. Е. Арканы. Стр. 196. Иллюстр. 36. Цена 2 р. 75 к.
4. ИЗОФРОНТ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ФРОНТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИСКУССТВ. Сборник статей об'единения «Изофронт». С 24 иллюстр. Стр. 100. Цена 2 р. 00 копеек. перепл.
5. МИЛЕЕВ С. ИСКУССТВО И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. Иллюстр. в тексте 25. На отд. листах 50. Стр. 505. Ц. 1 р. 60 коп.
6. ПАВЛОВ Н. ГРАВЕР-САМОУЧКА. Наглядное руководство по изучению техники гравюры на дереве, линолеуме и земляной гравюры. Иллюстр. около 100. Стр. 112. Ц. 1 р. 50 к.
7. ГЕРЦЕН Ф. И. ХУДОЖНИК О КРАСКАХ. Общий обзор красок, разбор свойств красок, составление палитры, описание процессов и отд. техника живописи. Стр. 194. Ц. 4 руб. 50 к.
ПОЧТОЙ высылка как в печатном издании, так и в переплетном виде (на машинке на плотных рукописей).
Большой выбор литературы по вопросам искусства, театрально-клубной работы, кино, фото.
Заказы исполняются наложенным платежом без задатка.
Заказы направлять: Москва, Тверская, 26 л.
Магазину № 42 МОГИЗА (бывш. «Опера и Экран»).

«ФЕДЕРАЦИЯ» ОБЪЕДИНЕНИЕ ОГИЗа
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 2-е полугодие 1932 г.
НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛОКАФ
Орган Литературного об'единения Красной армии и флота
Выходит 12 номеров в год
ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой
Журнал «ЛОКАФ» мобилизует общественное внимание на вопросы строительства социализма, на вопросы обороны страны.
В романах, повестях, рассказах, стихах, очерках, статьях журнала «ЛОКАФ» будет всесторонне отображать рост социалистического строительства и укрепление обороны Советского союза, оружием художественного слова будет разоблачать замыслы империалистов, готовящих интервенцию против СССР, и всемерно помогать зоркому часовому Советского союза — Красной армии в ее боевой и политической учебе.
Особенное внимание «ЛОКАФ» отдает современному состоянию Красной армии и флота, их боевой и политической учебе и быту, повседневному героическому труду, а также показу славных дней недавнего прошлого—боев гражданской войны.
«ЛОКАФ» будет отображать классовую борьбу за рубежом, будет показывать, как пролетариат капиталистических стран ведет борьбу за диктатуру пролетариата, за социализм во всем мире.
«ЛОКАФ» будет решительно боротся со всеми видами пацифизма и реваншизма, отрицающими сознание трудящихся в борьбе в осуществлении их полной победе над капитализмом. В «ЛОКАФ» принимают участие лучшие силы советской литературы, а также международной революционной литературы. «ЛОКАФ» будет помочи способствовать выдвижению молодых литературных сил.
В 1932—33 г. В ЖУРНАЛЕ «ЛОКАФ» БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:
РОМАНЫ, ПОВЕСТИ:
НИК. ТИХОНОВ. Роман о советском Туркменистане.
ФЕДОР ГЛАДКОВ. Повесть о Красной армии.
В. ЗАВЕНЯГИН. Повесть о Красном флоте.
АРТ. ВЕСЕЛЫЙ. «Россия, кровью умытая».
ВС. ВИШНЕВСКИЙ. «Война».
О. МОРИЦ-ЛАВСКИЙ. «Первый год — роман».
А. ПОЧТАРЕВ-ПРИБОЙ и Л. ПИЗОНОВ. Повесть о краснофлотцах.
С. ВАЛЬЦЕВЕР. «Большевики» — роман.
В. ТОМИЛИН. «Люди, которые делают — повесть.
Ф. КИЛЯЗИН. «Дисциплина»—роман.
Д. ЛИВЕРМАН. «Проверка» — повесть.
КАВИ НАЦЕМИ. «Гарнизон», — повесть, перевод с татарского.
А. АФИНОГЕНОВ. Пьеса о Красном флоте.
Б. РОМАШЕВ. Пьеса о Красной армии.
А также рассказы, стихи, статьи и очерки.
Подписка принимается с № 1 (с января) в отделениях, магазинах и киосках Книгоб'единения ОГИЗа, на почте и письмоносцами.
Подписная цена: на год — 12 руб., на 6 м. — 6 руб., на 3 мес. — 3 руб.
Отдельный номер — 1 р. 25 к.
Допускается прием подписки с переходом на 1933 год.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
(или возобновить подписку) с ИЮЛЯ месяца
на 2-е полугодие на
ПЕРИОДИКУ ПО ВОПРОСАМ ИСКУССТВА
1. ГАЗЕТА
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО
Орган сектора искусств Наркомпроса, издается при ближайшем участии института ЛИБ Комакадемии и Всероссийского комдрама. Выходит каждые 6 дней.
«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО» ведет борьбу за большое искусство большевиков на театре, в кино, ИЗО и в музыке.
«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО» — трибуна творческого опыта— и борется за марксистско-ленинское мировоззрение в области искусства. 12 мес.—6 руб., 6 мес.—3 руб., 3 мес.—1 руб. 50 коп.
2. СОВЕТСКИЙ ТЕАТР
Ежемесячный общ.-политич. журнал по вопросам театра и марксистского театроведения. Вооружает пролетарский коллектив для борьбы за подлинно советский театр, за социалистическую реконструкцию театра. 12 м.—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50.
3. КИНО
газета. Выходит каждые 6 дней. Газета борется за превращение кино в мощное орудие коммунистической пропаганды, орудие классовой борьбы и интернационального воспитания трудящихся масс. 12 м. — 6р., 6 м. — 3 р., 3 м. — 1 р. 50 к.
Тиражи ограничены. Подписку сдавайте только местной почте не позже установленного он срока. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.
Журн.-газетн. об'единение.

Ежемесячный художественный литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал № 6
ОГИЗ Книгоб'единение
ВЫХОДИТ В СВЕТ
30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ежемесячник
Содержание.
И. БАБЕЛЬ — Гюи-де Мопассан; Ю. ОЛЕША — Черный человек; Л. НИКУЛИН—Советская месть; А. ЗОРИЧ — Машина идет в Севастополь; Л. Н. ТОЛСТОЙ — дневник; Л. ОВАЛОВ и А. ШАПОВАЛОВА — «Непосредственные впечатления»; Н. РОНОВ — Кроншлоту исполнилось лет; ВЛ. ЛУГОВСКОЙ—Стихи; Д. САМОЙЛОВ—Рабочие пишут историю своих заводов и фабрик; Д. КАЛЬМ — Параллелограмм сезона и др.
В ближайших №№ пойдут продолжения повести А. Зорича —Машина идет в Севастополь и Дневник Л. Н. Толстого.
Продолжается подписка на второе полугодие 1932 г.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на год (12 №№) - 6 руб.
на 6 м. (6 №№)—3 руб.
на 3 м. (3 №№)—1 руб. 50 коп.
Цена отдельного номера—50 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Книгоб'единения, повсеместно на почте и письмоносцами.

Уполномоч. Главлита В—24870. Литературная (№) тип. «Мосполиграф», пр. им. Серова-Степанова, д. 2.